

Валентин
ЕЖОВ
Григорий
ЧУХРАЙ

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Русская проза

Валентин Иванович Ежов
Павел П. Которобай
Григорий Наумович Чухрай
Андрей Сергеевич Михалков-
Кончаловский
Наталья Борисовна Рязанцева
Наталья Всеволодовна Готовцева
Баллада о солдате (сборник)
Серия «Русская проза (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36084851

*Баллада о солдате / Валентин Иванович Ежов, Григорий Чухрай: Вече;
Москва; 2018*

ISBN 978-5-4484-7271-8

Аннотация

Зрители многих поколений помнят солдата Алешу – героя фильма «Баллада о солдате», который совершил высшее, что может сделать человек на земле: отдал жизнь за свой народ, за свою Родину. Этот фильм, завоевавший более ста призов на всех известных международных фестивалях и получивший Ленинскую премию, снят по одноименной повести Валентина

Ивановича Ежова (1921–2004), вошедшей в данную книгу. Автор – классик советской литературы и кинематографа – большинство впечатлений почерпнул из личного опыта, молодым бойцом пройдя трудными дорогами войны. Эти знания и боль за военное поколение нашли отражение и в других повестях сборника: «Крылья», «Мой лучший друг генерал Василий, сын Иосифа» – и в романе «Сибириада». Глубокое проникновение в характеры героев на фоне переломных исторических событий, несомненно, вызовет большой читательский интерес.

Содержание

Валентин Ежов, Григорий Чухрай	5
В. Ежов, А. Михалков-Кончаловский	105
Часть первая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Баллада о солдате (сборник)

Валентин Ежов, Григорий Чухрай
Баллада о солдате

*Нашему сверстнику, солдату,
погибшему в боях за Родину,
посвящается этот фильм*

Современное село. Теплый праздничный вечер. Еще только начинаются сумерки, а окна домов уже весело светятся. Вдали, у колхозного клуба, – толпа молодежи. Там горят фонари, оттуда доносится музыка. А в других уголках села пустынно и тихо. В такие часы не много встретишь людей на улице. Разве что появится молодая пара с ребенком на руках, идущая в гости, либо молча пройдут влюбленные, либо стайкой пробегут девушки, спешащие к клубу...

По улице села идет женщина в черном. Она проходит мимо девушек. Смех на миг замолкает. Они здороваются с женщиной и бегут дальше своей дорогой.

Другая улица.

Женщина проходит мимо молодой четы. Молодые почтительно здороваются с ней. Она с улыбкой отвечает и

идет дальше. Выйдя за околицу, женщина останавливается и грустно смотрит в поле, на дорогу, уходящую за далекий бугор.

– ЭТА ДОРОГА В НАШ ОБЛАСТНОЙ ГОРОД, – говорит диктор. – ТАМ ДВА ИНСТИТУТА, ЗАВОД И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ. И ТОТ, КТО УЕЗЖАЕТ ИЗ НАШЕГО СЕЛА, И ТОТ, КТО ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПОТОМ В РОДНЫЕ МЕСТА, УХОДИТ И ПРИХОДИТ ПО ЭТОЙ ДОРОГЕ.

Женщина медленно идет к перекрестку.

– ВОТ УЖЕ МНОГО ЛЕТ ОНА ВЫХОДИТ СЮДА, – продолжает диктор, – НЕТ, ОНА НИКОГО НЕ ЖДЕТ... ТОТ, КОГО ОНА ЖДАЛА, ЕЕ СЫН АЛЕШКА, НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ. ОНА ЗНАЕТ, ЧТО ОН НЕ ВЕРНЕТСЯ: ОН ПОХОРОНЕН ДАЛЕКО ОТ РОДНОЙ ЗЕМЛИ, У ДЕРЕВНИ С НЕРУССКИМ НАЗВАНИЕМ. РАННИМИ ВЕСНАМИ ЧУЖИЕ ЛЮДИ ПРИНОСЯТ НА ЕГО МОГИЛУ ЦВЕТЫ. ОНИ НАЗЫВАЮТ ЕГО РУССКИМ СОЛДАТОМ, ГЕРОЕМ, ОСВОБОДИТЕЛЕМ. А ДЛЯ НЕЕ ОН БЫЛ ПРОСТО АЛЕША, СЫН, МАЛЬЧИК, О КОТОРОМ ОНА ЗНАЛА ВСЕ ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ДНЯ, КОГДА ОН УЕЗЖАЛ ПО ЭТОЙ ДОРОГЕ НА ФРОНТ. ОН БЫЛ НАШИМ СВЕРСТНИКОМ, МЫ ВМЕСТЕ С НИМ БЫЛИ НА ФРОН-

ТЕ, И МЫ ВАМ РАССКАЖЕМ О НЕМ ИСТОРИЮ, О КОТОРОЙ НЕ ВСЕ ЗНАЕТ ДАЖЕ ЕГО МАТЬ.

...Изображение женщины в черном медленно сменяется другим. Это та же самая женщина, но она значительно моложе. Она стоит на том же месте, но за ее спиной не праздничные дома нового села, а темные сиротливые избы военной поры...

Сильный ветер теребит на ней одежду, рвет с головы платок. На небе клубятся темные тучи.

Смотрит вдаль женщина.

Ветер гуляет по вздыбленной, исковерканной земле, воет, запутавшись в колючей проволоке, гонит по полю черные космы дыма.

Это фронт. Передний край.

В одиноком окопчике – курносый паренек в форме солдата. Он с волнением всматривается вдаль. Оттуда, нарастая, слышится зловеший гул моторов.

Рядом с пареньком – пожилой солдат.

Он кричит в трубку:

– Орел! Орел!.. Орел! Отвечайте! Вижу танки!.. Вижу танки!..

Ему не отвечают. Он встряхивает трубку. Непослушными пальцами щупает шнур... Снова кричит, срывая голос:

– Орел! Орел!..

Нет ответа. Солдаты глянули друг на друга. В их взглядах и страх, и досада, и немой вопрос: «Что делать?»

Впереди все нарастает и нарастает гул моторов и скрежет гусениц...

– Надо отходить к окопам, – хрипло говорит пожилой.

– Не было приказа...

– Что ж мы с винтовками против пяти танков? Только краску царапать...

– А сообщить...

Пожилой рассердился.

– С того света?! Сматывай, дурило!.. – закричал он на молодого.

Но тот вместо ответа вырвал у него трубку.

– Орел! Орел!.. Я – Зяблик! Я – Зяблик!.. – закричал он срывающимся мальчишеским голосом.

Между тем танки с ходу открыли огонь. Над головами с характерным шипением понеслись снаряды. Окопы не отвечали.

– Орел!.. Орел!.. – упрямо кричит в трубку молодой боец, сердито глядя на танки.

Пожилой, махнув рукой, быстро уползает.

Паренек остается один. Он сразу ощущает свое одиночество.

– Орел!.. Орел!.. – повторяет он. – Я – Зяблик! Я – Зяблик!..

А танки все ближе и ближе. В голосе паренька звучат ис-

пуг и обида.

– Орел!.. Орел!.. Что же вы?.. Я – Зяблик!.. – Он с отчаянием и растерянностью смотрит на приближающиеся танки.

И вдруг ему отвечают.

– Орел!! – радостно закричал паренек.

– Да! Я – Зяблик... Да. Вижу... пять штук... Пехоты? Нет. Не вижу. Точно, нет пехоты... Прямо на НП. Прямо на меня идут!.. Отходить?.. Есть!

Он торопливо отключает телефон, но серия взрывов заставляет его прижаться к земле. Артиллерийский шквал обрушился неожиданно. Взрывы следуют один за другим и вдруг, так же неожиданно, прекращаются. В наступившей тишине слышится рев идущих танков.

Паренек поднимает голову. Он видит, что один танк совсем близко и движется прямо на него.

Страх отхватывает паренька. Зажмурив глаза и вобрав голову в плечи, он прижимается к земле.

Ревут моторы танков, взвизгивают, скрежещут гусеницы. Кажется, весь мир заполнен этим ревом и скрежетом!

Паренек не выдерживает и, вскочив на ноги, бросается бежать.

В танке замечают его и дают пулеметную очередь.

Паренек падает на землю. Над ним свистят пули.

Очередь обрывается. Танк движется на него. Паренек снова вскакивает и бежит от танка. Катушка и телефон мешают ему... Снова очередь... Он падает, поднимается и снова бе-

жит...

Это выглядит нелепо и смешно. Огромная смертоносная машина гоняется по полю за одиноким беззащитным пареньком.

Паренек изнемог. Он плачет от обиды и страха, он пытается уйти в сторону. Но танк разворачивается и снова идет на него. Расстояние между ними неумолимо сокращается. Бежать не хватает сил.

Теперь танк даже не стреляет. Он просто догонит и раздавит паренька.

Паренек бросает телефон и катушку. Из последних сил бежит дальше.

Впереди – развороченный взрывом окопчик. Здесь был противотанковый заслон, но весь его расчет уничтожен... Обессиленный паренек сваливается в окопчик... Танк идет на него. Вот он уже совсем близко. Гусеницы раздавили телефон и катушку, оставленные пареньком. Сейчас точно так же они раздавят и его. Выхода нет. Бежать нет сил.

Паренек беспомощно оглядывается. Он хочет снова бежать из окопа и вдруг, заметив лежащее на земле противотанковое ружье, хватается за него и в упор стреляет по танку.

Вздрогнув, будто наткнувшись на что-то, танк останавливается. Взыл мотор, и танк охватило пламенем.

Удивленно смотрит на горящий танк паренек. Кажется, он не вполне понимает, что произошло.

Пылает танк, и вдруг – пулеметная очередь. Перед солда-

том вспыхивают фонтанчики земли. Это соседний танк открывает по нему огонь.

Паренек прижимается к земле и, переждав очередь, стреляет по другому танку несколько раз подряд.

Танк, завертевшись на месте, замирает...

– А-а!.. Не любишь!!! – по-мальчишески кричит паренек и переносит огонь на другие танки.

Те поспешно отходят назад. Около них начинают рваться снаряды. Сзади, от окопов, слышится нарастающее «ура».

Бой кончился. Пехота закрепляется в окопах. Солдаты курят, жуют сухари, запивая водой из алюминиевых фляг. Уносят раненых. Наш паренек стоит в кругу солдат. Его хлопают по плечу, поздравляют, шутят, а он устало и не очень весело поглядывает на окружающих.

– Ну-у, ты, брат, силен!.. Как же ты их, а?

– Талант!.. – дурачится кто-то. – Ему бы сразу в броневой бойщики, а он в связи припухал!

– Да-а, теперь бы уже сколько он их наломал!..

– Ладно! – отмахивается парень.

– Ты чего? – удивляется веселый солдат.

– Его лейтенант за телефон взгрел, – поясняет пожилой, тот самый, которого мы видели с нашим пареньком в окопчике.

– А ты бы сказал, что это ты танки подбил.

– Говорил я...

– Ну а он?

Паренек отмахнулся.

– Лейтенанту сейчас туго приходится!.. Генерал вызвал на протирку... – сочувственно говорит веселый. – А ты не горюй! Тебе все равно награда полагается. Шутка?! Два танка!

– Чудеса! Что ж ты, дурило, от танка бежать вздумал? Верная смерть!.. Тебя ж инструктировали, – говорит сержант.

Паренек ничего не отвечает.

Со стороны слышится голос:

– Эй, ребята! Скворцова Алексея не видали?..

– Здесь он!

Подходит вестовой, запыхавшись, сообщает пареньку:

– Давай, Скворцов, генерал вызывает!

– Ну вот, – произносит пожилой товарищ Скворцова. – Говорил я тебе – уходить надо!.. Потерял телефон. Теперь нам за него врежут!

Командный пункт генерала.

Еще издали слышен его зычный голос:

– ...В игрушки играете! Детский сад! Почему не открыли огонь вовремя?.. Чего вы ждали?..

Алексей с вестовым подходят ближе и видят генерала. Он сидит на перевернутом ящике. Вокруг него толпятся офицеры штаба и командиры частей.

– Мудрецы!.. – продолжал распекать их генерал. – Оголили фланг... подставили пехоту. Пожалуйста! Дави!..

– Я уже докладывал вам, товарищ генерал. Там был рас-

чет... Он полностью уничтожен.

– Устали люди, товарищ генерал...

– Знаю... Не оправдывайтесь этим!.. – Генерал помолчал и сказал другим тоном: – Сегодня ночью нас сменит шестая дивизия... Ну, где же этот ваш Скворцов?

Алексей вышел вперед и, приложив руку к пилотке, доложил:

– Боец Скворцов по вашему приказанию прибыл!

Генерал строго посмотрел на него:

– Ну, рассказывай... как у тебя там все получилось?.. Ты ведь на наблюдательном пункте был?

– Да.

– Ну, так как же?..

Алексей набрался решимости.

– Я, товарищ генерал, честно скажу... струсил... Уж очень близко подошли... ну и... – Алексей виновато опустил голову, потом снова поднял и сказал, глядя на генерала: – Испугался я...

– Так это ты с испугу два танка подбил? – улыбнулся генерал.

Стоящие вокруг офицеры засмеялись.

Алексей оглянулся по сторонам и, увидев смеющиеся лица офицеров, тоже улыбнулся.

– Значит, с испугу? – повторил генерал.

Алексей смущенно кивнул. Генерал был доволен.

– Все бы так пугались!.. – пошутил он.

Вокруг снова засмеялись.

Алексей боролся со своим смущением.

– Постой! – сказал вдруг генерал. – А может быть, это не ты их подбил, а кто другой? – Глаза его весело светились.

– Я... – ответил Алексей, ко всеобщему удовольствию. – Я, товарищ генерал, когда вскочил в окопчик... смотрю, а он на меня... ну, прямо едет, и все!.. Я вижу – конец, схватил ПТР и в него... а он загорелся. Он от меня ну совсем близко был... А потом я во второго – тот был подальше...

Все снова засмеялись.

– Молодец, – сказал генерал, – представим тебя к награде. Запишите, – повернулся он к пожилому офицеру.

– Товарищ генерал, – сказал вдруг Скворцов, – а нельзя мне вместо награды на денек к матери съездить?

Офицеры опять заулыбались, покачивая головами.

Генерал внимательно посмотрел на Алексея и тоже улыбнулся.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Девятнадцать, – ответил Алексей. – Я, товарищ генерал, когда на фронт уезжал, с матерью не простился, а тут еще письмо пришло – крыша прохудилась... Отпустите, товарищ генерал... На один денек.

Генерал задумался.

– Дома побывать не худо, – сказал он, подняв глаза на Алексея. – А только нельзя нам, Скворцов, фронт оставлять. Война... А мы с тобой – солдаты.

– С фронта я бы не попросился, товарищ генерал, а поскольку все равно на отдых отходим... Мне бы один денек... Я бы крышу починил – и сразу назад...

– А что? – сказал генерал весело. – Давайте отпустим Скворцова. Пусть крышу починит. А?.. Только смотри... вернуться в срок!..

– Товарищ генерал!.. Да я... – задохнулся от радости Алексей. – Товарищ генерал, в лепешку разобьюсь...

– Ладно-ладно... – остановил его генерал и, вздохнув, с завистью произнес: – Повезло тебе, Скворцов. Ты где живешь?

– Георгиевский я... Село Сосновка. За сутки буду там.

– Не-ет, братец мой, по теперешним временам тебе суток не хватит. Даю тебе двое суток туда, двое назад. Ну и для ровного счета двое суток на все остальное. Доволен?

По дороге с фронта мчится грузовая машина. В ее кабине рядом с шофером – Алексей Скворцов.

Шофер весело встряхивает головой.

– Два дня дома!.. Это кому рассказать – не поверят! А ведь если на дороге сэкономить, то и три дня натянуть можно... А?

– К поезду бы поспеть, – говорит Алексей с улыбкой.

Шофер делает успокоительный жест свободной рукой.

– Как часы!.. – говорит он и жмет на сигнал.

Уступая им путь, сторонится к обочине идущая к фронту

пехота.

– Небось сразу к «ней» побежишь! – продолжает шофер.

– К кому?

– Известно к кому! – Шофер весело подмигнул. – Ждет ведь зазноба!

– Нет у меня зазнобы, – смущенно признался Алексей.

– Да ну-у! – Шофер удивленно посмотрел на Алексея. – К кому же ты едешь?

– К матери.

– К матери – это само собой. Только как же это ты без зазнобы?! – Шофер покрутил кудрявой головой. – Эх, мне бы такое счастье! Я бы сейчас в МТС... Там у меня Груняша, прицепщица!.. У тебя какая специальность?

– Никакой... Я в школе учился – и сразу на фронт.

– И что ты за человек такой?! – балагурил шофер. – Девчонки у тебя нет, специальности нет, и водки ты, наверное, тоже не пьешь.

– Почему?.. – неуверенно возразил Алексей.

– Не пьешь, по лицу видно, – отмахнулся шофер. – И зачем только таких в отпуска посылают?!. Послали бы, скажем, меня... Да я там... Боже ты мой!.. У меня бы весь район три дня качало!

Дорога через болото шла гатью. С одной стороны на гать выехала машина, с другой – голова колонны тяжелых тягачей. Разминуться им невозможно. С тягача замахали рука-

ми, закричали что-то. Шофер упрямо замотал головой.

– Погоди! А ну, давай документ.

Взяв у Алексея отпускное свидетельство, шофер выскочил из машины и, размахивая им, побежал к тягачам. Алексей остался в машине. Он видел, как шофер взобрался на головной тягач, как он объяснил что-то, указывая на Алексея. Потом он соскочил на землю и побежал назад к машине.

И тут произошло «чудо». Тяжелый тягач заревел и попятился назад, уступая дорогу полуторке.

– Порядок! – весело крикнул шофер, трогая машину. – С такой увольнительной по воздуху летать можно!

Разрушенная прифронтная станция. На пути – несколько товарных вагонов, из которых солдаты выгружают продолговатые ящики. Несколько человек у колонки пьют воду, умываются.

Сюда подлетела машина. Выпрыгнув из нее, Алексей и шофер бегут к платформе. Поезда нет.

– Папаша, – обращается к проходящему мимо пожилому железнодорожнику шофер. – А где поезд?

Железнодорожник останавливается, равнодушно оглядывая их.

– Какой поезд?

– На Борисов, что в два сорок отходит!

– А-а, этот... – сказал железнодорожник, – этот еще не приходил.

– Как же так?

– Не знаешь как? Немцы путь разбомбили.

– Когда же он будет?

– Может, к вечеру будет, а может, завтра к утру, – сказал железнодорожник и побрел своей дорогой.

– Сэкономил! – безнадежно махнул рукой Алексей и сел на рельсы. Шофер обескураженно топтался на месте.

– Эй! Хлопцы! – крикнул им кто-то с перрона. – Машина, часом, не ваша?

– Наша, – ответил шофер. – А вы не Самойленко?

– Точно. Давай машину – будем грузить.

Самойленко и еще несколько солдат подошли к шоферу.

– Чего вы ищете?

– Да ничего не ищем! – ответил шофер. – Тут, понимаешь, ерунда получается. Парень отпуск на два дня получил.

– Ух ты! – крякнул кто-то. – Счастливчик!

– Счастливчик... Еще от места не отъехал, а уж полсутки теряет. Поезд не пришел, и неизвестно, когда будет.

– За что же это тебе, а?

– Не важно за что. Два танка подбил. Тут вопрос – как теперь быть? Ему до Георгиевска ехать, а на дорогу два дня.

– Вам бы не сюда надо, а на Баковку. Там три поезда в сутки ходят. А тут ветка.

– А далеко до Баковки? – спросил шофер.

– Тридцать километров – свободно можно успеть!

– Пошли! – решительно сказал шофер и быстро пошел к

машине. Алексей – за ним.

– Постой! – спохватился Самойленко. – А как же груз?

– Через час буду здесь. Груз неспешный, подождете.

– Смотри – тебе отвечать!..

Шофер развел руками:

– Приказ генерала!

Алексей и шофер уже подходили к машине, когда сзади раздался крик:

– Стойте! Подожди-ка, солдат! – К Алексею подбежал, запыхавшись, невысокий пехотинец лет тридцати. – Ты, что ли, в отпуск едешь?

– Я.

– Через Узловую?

– Да.

– Друг! Зайди по этому адресу!..

Он отрывает от конверта обратный адрес и подает его Алексею.

– Что ты! Некогда мне! – Алексей поворачивается к машине, но пехотинец не пускает его.

– Друг! Там поезда по полчаса стоят, а мои – у самого вокзала... Три минуты. Браток!.. – упрасивал пехотинец. – Зайди!

– Ну, зайду, – сдался Алексей. – А что передать?

Глаза пехотинца радостно заблестели.

– Скажешь – видел меня!.. Видел, понимаешь? – Он ударил себя по груди, по плечам, как бы доказывая этим, что он

существует. – Лизе!.. Жене... Мол, видел Сергея! С командой на фронт шел. Скажешь?

Команда плотным кольцом окружила Алексея.

– Скажи ты его Лизавете, что он об ней, ровно поэт какой, день и ночь мечтает, – смеется щербатый боец.

– Ты б ей подарок какой послал, Серега!

– А где его взять? На нем все казенное!

– Я пошел! – говорит Алексей, но его опять удерживают.

– Погоди-ка!.. Слышь, старшина, дал бы Сереге кусок мыла. Пусть жене пошлет.

– Ему осьмушка положена – один раз помыться...

– А ты дай кусок.

– Очумел, дурило?! У меня всего два куса на команду.

– Ну и дай один.

– Не положено!

Алексей двинулся к машине, открыл дверцу.

– Погоди, парень, даст он... Дай, не скупись!

– Давай, обидимся!.. – дружно поддержали все.

Старшина достал из своего вещевого мешка кусок мыла и отдал его Алексею.

– Давай и второй кусок! – с акцентом сказал молодой грузин.

– Что вы, ребята? – Старшина искал сочувствия у команды.

– Дарить так дарить! – сказал грузин, и все опять дружно поддержали его.

Старшина разозлился.

– Что мне, больше всех надо? – Он с сердцем сунул в руки Алексею второй кусок мыла.

Алексей влез в кабину. Ребята закрыли за ним дверцу.

– Порядок! – сказал шофер и тронул машину.

– Улица Чехова, семь! – закричал пехотинец.

– Зайду! – крикнул Алексей.

Солдаты весело смотрели вслед уходящей машине. Все были довольны. Один старшина был мрачен. Он махнул рукой и сказал с сожалением:

– Плакало наше мыльце... Становись!

Снова мчится машина.

Рухнувший в воду мост. Дорога проходит бродом.

Машина на полном ходу въезжает в речку, но на середине останавливается. Мотор заглох. Оба разом, и шофер и солдат, выпрыгивают в воду. Шофер бросается к капоту. Что-то говорит Алексею, беспомощно разводя руками. Собрав вещи и простившись с шофером, Алексей бежит к берегу.

Дорога. Бежит солдат.

Опушка леса. Превозмогая усталость, бежит солдат... Слышен гудок паровоза. Алексей сворачивает с дороги и бежит напрямик, через кустарник.

Из-за леса показывается поезд. Алексей бежит наперерез ему, карабкается по склону насыпи, а поезд уже грохочет над ним.

Мимо мелькают цистерны, товарные вагоны. Отдышавшись, Алексей хватается за поручни одного из вагонов и повисает на них.

Поезд уходит, увозя солдата.

Небольшой привокзальный рынок. Неподалеку виднеется здание уцелевшего вокзала. Слышатся гудки паровозов. Это скучный рынок военной поры. Здесь усталые женщины продают вещи своих мужей. Здесь пожилые мужчины носят на ладони, выставляя напоказ, небольшие пайки черного хлеба. Здесь бойкий инвалид торгует махоркой и старый, с грустными глазами, худой человек носит на ящичке от картотеки морскую свинку, которая «вытаскивает счастье».

Среди этой разношерстной толпы ходит веселый Алексей. Он с интересом приглядывается к вещам, которые держат в руках люди.

– Пожалуйста, молодой человек!.. Туфли «Скороход». Со всем еще новые, – предлагает ему пожилая женщина. – Купите.

– Мне бы платок...

– Какой?

– Для матери... Подарок.

– Пожалуйста! Есть замечательная шляпка. Она очень пойдет пожилой женщине.

И она, распаковывая свои вещи, вытаскивает добротную фетровую шляпку.

– Смотрите, молодой человек... Я купила ее перед самой войной... Очень модный фасон. Посмотрите!.. – Она протягивает Алексею шляпку.

– Что вы! У нас таких не носят... Мне бы платок... – смущенно говорит Алексей и замечает стоящую неподалеку женщину с девочкой лет шести. В руках у женщины простой платок в горошек и маленькая, очевидно, девочкина юбка.

– Купите, – робко говорит она, перехватывая взгляд Алексея.

Алексей подходит, трогает платок.

– Сколько?

– Триста рублей.

– Ого!

– А сколько дадите? – тихо спрашивает женщина. Худенькая девочка смотрит на Алексея усталым, недобрим взглядом.

Алексей достал из кармана деньги, перебрал их и пошел прочь, поняв, что ему здесь нечего делать.

– Ишь ловкач, наверно, хотел за десятку вещь купить! – крикнула ему вслед какая-то торговка. Кто-то засмеялся. И кто-то строго прикрикнул на смеющихся:

– Чего ржете?.. Откуда у солдата деньги!

Через несколько шагов чья-то рука опустилась на плечо Алексея.

– Солдат, а солдат!..

Алексей обернулся.

– Купи бритву!

В руках у бойкого мужичка, одетого в ватник, сверкнула раскрытая бритва.

Солдат посмотрел на бритву.

– Бери! Все девки твои будут!

– Сколько? – не удержавшись, любопытствовал Алексей.

– Семь.

– Чего?..

– Сот!..

– Силен!.. – Алексей, смеясь, покачал головой.

– Слабоват, «гроза фашистов»? Тогда бери зажигалку – даром отдам! – Мужичок показывает простенькую зажигалку, сделанную из патрона. – Гляди, не машинка, а огнемет! – Мужичок чиркает пальцем раз, другой, зажигалка не вспыхивает. Он чиркает еще и еще. – Это ничего, зато потом не потушишь – пожар!

Алексей, усмехнувшись, лезет в карман и достает никелированный пистолет. Нажимает спусковой крючок. Мужичок, отшатнувшись, вскрикивает, а у пистолета откидывается верхняя планка и вспыхивает огонек. Это зажигалка, изготовленная в виде пистолета.

Алексей смеется. У мужичка загораются глаза.

– Продай!!!

– Сколько? – улыбаясь, спрашивает Алексей.

– Полторы!

– Тыщи?

– Сотни, чудило!

Алексей спокойно прячет зажигалку в карман.

Мужичок хватает его за руку:

– Две!.. Будущий лейтенант.

Алексей молча освобождает руку и делает шаг.

– Ну, бери еще четвертак, капитан!.. Не люблю торговаться!..

Алексей смеется.

– До генерала дойдешь – может, сговоримся! – Он идет дальше.

– Черт с тобой!.. Окопная жила!.. – Мужичок, прихрамывая, бросился прочь и скрылся в толпе. Но это был только прием: не успел Алексей сделать и трех шагов, как тот появился вновь.

Мужичок с необыкновенно серьезным лицом протянул Алексею свернутые трубочкой деньги:

– Договорились. Давай машинку.

– Да что ты волнуешься? – улыбнулся Алексей. – Приезжай к нам на фронт – там они бесплатно. Только разок в атаку сходить.

– Не могу, полковник... Плоскостопие – забракован! Черт с тобой, на еще четвертак, хотел на пиво заначить!.. Все! Бери, обманул ты меня! Давай машинку, давай!.. – Он бурно напирал на Алексея, хватал его за грудь и, чуть не силой отобрал «пистолет», бросился в толпу, повторяя: – Обманул ты

меня, обманул!

Это все произошло так быстро, что Алексей не успел опомниться. Оставшись один, он пересчитал деньги – всего было двести рублей. Он улыбнулся и, махнув рукой, достал из кармана свои деньги, прибавил их к этим, быстро направился к женщине, продающей платок.

– Вот, возьмите!.. – протягивает он деньги и, довольный, сияющий, укладывает покупку в вещевой мешок.

Со стороны станции доносится гудок паровоза.

Кивнув на прощание женщине, Алексей торопливо направляется в сторону вокзала.

– Молодой человек! – окликает его какая-то женщина. – Посмотрите!..

– Некогда!..

– Солдатик, молочка!

– Некогда, мамаша...

Алексей торопится к вокзалу. Он обгоняет людей с чемоданами, мешками. Все спешат.

Впереди Алексея, неумело опираясь на костыли, ковыляет на одной ноге инвалид. Костыли мешают ему нести чемодан. Он останавливается, опускает чемодан на землю, вытирает со лба пот.

Поравнявшись с ним, Алексей весело предлагает:

– Давайте помогу!.. – Он подхватывает чемодан инвалида. Тот, не препятствуя, принимает его помощь.

– Куда едете? – спрашивает Алексей на ходу.

– В Борисов.

– Домой?

– Да... Отвоевался...

– И я домой, в отпуск. Тоже счастье выпало! – с веселой непосредственностью сообщил Алексей.

Инвалид внимательно посмотрел на него:

– Счастье?

– Ага! Все даже удивляются, как мне повезло... Значит, до Борисова мы попутчики!..

Они вышли на перрон. Здесь толпились люди.

Инвалид остановился в раздумье.

– Постой, – сказал он вдруг Алексею. – Ты здесь подожди. Мне телеграмму дать нужно. Я сейчас. – И он, стуча костылями, прошел в вокзал.

Алексей посмотрел ему вслед, поставил чемодан на землю и стал ждать. Мимо него то в одну, то в другую сторону пробегали взволнованные пассажиры. Он наблюдал за ними.

...На перроне волнение усилилось. Все смотрели в одну сторону, в конец платформы. Оттуда появился поезд. Алексей заволновался. Он с беспокойством глядел то на поезд, то на дверь вокзала, за которой скрылся инвалид.

...Началась посадка. Пассажиры штурмом брали вагоны. Ждать больше было невозможно, и, подняв чемодан, Алексей решительно направился на поиски инвалида. Навстречу ему двигалась толпа пассажиров. Его отталкивали от двери. Ругались. Но он все-таки протиснулся в зал, прошел мимо

лежавших на скамейках и на полу людей. Растолкал толпу у кассы и выбрался наконец к дверям, над которыми висела табличка «Почта. Телеграф».

Алексей открыл дверь.

В пустой комнате телеграфа у длинного стола сидел на краешке скамьи инвалид.

Он был в тяжелом раздумье. Перед ним на столе лежал бланк телеграммы. Несколько скомканных бланков валялось рядом.

– Что же вы делаете?! Пришел поезд, идет посадка, а вы!..

Инвалид медленно повернул голову, и Алексей увидел его глаза – отсутствующие, полные невыразимой боли.

– Чего тебе?.. – тихо спросил инвалид.

– Ехать надо... Я там... с вашим чемоданом, а вы...

Инвалид долго молчал.

– Иди... Я не поеду, – наконец сказал он и, отвернувшись, опустил голову на крепко сжатый кулак.

Алексей переступил с ноги на ногу, не решаясь уйти.

– Что с вами? – участливо спросил он, тронув инвалида за плечо.

Тот резко повернулся, закричал:

– Что тебе надо?!.. Ты что ко мне привязался?!.. Катись отсюда! – Он отвернулся.

В окошечке показалось лицо телеграфистки.

Алексей обиженно заморгал.

– «Катись»... Я там с его чемоданом, а он... Хорошо, я

пойду.

Но инвалид, повернувшись, вдруг схватил его за руку и горячо заговорил:

– Прости, друг!.. Тяжело мне. Вот жене телеграмму посылаю, что не приеду... Совсем! Чтоб не встречала... и вообще не ждала!..

– Зачем?!

– Так надо.

За окном ударил колокол, раздался гудок паровоза, и по стене двинулись и поплыли тени вагонов.

– Она красивая... избалованная. У нас и до войны не все ладилось... А теперь я... – Он кивнул на костыли. Алексей хотел что-то сказать... – Молчи!.. Я все знаю. Она добрая. Она будет со мной жить, но это уж будет не та жизнь. Понимаешь? Лучше все сразу! Одним ударом! Она еще будет счастлива. Я тоже не пропаду... Понял?.. – Алексей молчал. – Россия большая, – глядя в сторону, сказал инвалид. – Уеду куда-нибудь. Найду работу и буду жить... Правильно?..

– Я не знаю, – сказал Алексей и задумался.

По лицу его плыли тени. В окнах мелькали вагоны уходящего поезда.

Инвалид еще долго сидел и наконец, словно подводя итог всему, проговорил:

– Вот и все... Так лучше!

Он поднялся, взял со стола бланк телеграммы и направился к окошечку. В тишине пустой комнаты трижды стукнули

его костыли – тук!., тук!., тук!..

Он протянул в окошечко телеграмму:

– Примите.

Телеграфистка, молодая женщина с некрасивым лицом, волнуясь, взяла телеграмму, подержала ее в руках и вдруг глухо сказала:

– Я не приму эту телеграмму.

– Что? – не поняв, тихо переспросил инвалид.

Телеграфистка поднялась с места.

– Я не приму эту телеграмму!.. Вы... вы все врите! Это подло! Подло! Подло так думать! – Глаза ее наполнились слезами. – Вас ждут, мучаются!.. А вы... Это подло!.. Вот!.. Вот!.. Вот!.. – Повторяя последние слова, она рвала телеграмму на мелкие кусочки. – Вот! Делайте со мной что хотите!

Она замолчала. Инвалид, ошеломленный этим натиском, взволнованно сморщился, опустил голову.

– Правильно! – вдруг раздался в тишине радостный возглас Алексея. Он протянул руку к телеграфистке: – Давайте бланк!.. Мы другую напишем. Чтобы встречала!..

Тамбур пассажирского вагона. За дверью мелькают при вокзальные строения. Поезд отходит от станции.

В тамбуре – инвалид и Алексей.

– А вы говорили, что не сядем, – радуется Алексей.

– Жалко мне твоего времени, Алешка. Четыре часа из-за

меня потерял.

– Ничего... Нагоню – путь длинный! – отвечает Алексей и, повернувшись к проводнице, спрашивает: – Когда будем в Борисове?

– К утру, – отвечает она.

Инвалид взволнованно вздыхает.

– Что вы? – спрашивает Алексей.

– Так... Ничего.

– А вы не думайте! Пойдемте лучше в вагон.

...Вагон набит до отказа людьми, чемоданами, узлами. Со всех полок свешиваются ноги. По проходу медленно движется инвалид. За ним с его чемоданами идет Алексей. Дорогу им преграждают два огромных сапога. Инвалид останавливается.

Ноги поднимаются. Инвалид согнувшись проходит под ними.

Он идет дальше. На уровне его лица со всех полок торчат ноги. Обутые в сапоги, босые, в ботинках, в туфлях, ноги, ноги, ноги...

Чем дальше идет инвалид, тем мрачнее становится его взгляд. Наконец он останавливается и закрывает глаза.

Какой-то пожилой старшина расталкивает спящих солдат:

– Эй, друзья, потеснитесь!.. Дайте человеку сесть.

Солдаты, потеснившись, освобождают место. Инвалид садится, прислонив голову к костылям.

– Что вы? – нагнувшись, спрашивает его Алексей.

– Ничего... Пройдет...

– Устали?

– Да.

– С непривычки... – говорит кто-то из солдат.

Алексей сел рядом на чемодан, достал из кармана пачку нарезанных для курения газетных бумажек, протянул инвалиду:

– Закурим?

Инвалид отрицательно покачал головой.

– Разрешите бумажки? – попросил сидящий напротив старшина.

– Пожалуйста.

Тотчас же к пачке потянулось несколько солдатских рук. Пачка сразу разошлась.

– И махорка у вас найдется? – спросил Алексея рябой ефрейтор.

– Найдется, – отвечает Алексей и отдает ему свой кисет.

– Хороша махорка! – восхищается кто-то.

– Где покупал?

– Фронтвая...

– Пулеметчик?

– Связист я. – Кисет идет по рукам.

– А как насчет огонька?

– Это так получается, – замечает рябой, – как один солдат у хозяйки воду просил: «Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде».

Все смеются.

– Точно!.. – соглашается старшина. – Это по твоему методу получается: попросил у Маруси напиток, а потом тебя три ночи найти не могли.

Снова смех. А рябой вздыхает.

– Хорошая женщина... Забыть невозможно.

– Зачем забывать? Война кончится – поезжай, женись.

– Дурак! У нее ж муж.

– Тоже рябой?

– Нет, гладкий.

– А ты почему знаешь?

– Сказывала...

– Что ж она гладкого на тебя, рябого, променяла?

– А я почему знаю?.. Может, у него какой другой дефект.

Все снова смеются. Громче всех Алексей.

– А ты, брат, весельчак! – замечает ефрейтор и, кивнув в сторону инвалида, спрашивает Алексея: – Провожаешь товарища?

– Нет, я сам по себе... Я гоже домой еду.

– Домой? – спрашивает ефрейтор.

– Да. В отпуск.

– Понятно, – подмигивает всем ефрейтор. – Крой дальше.

– Нет, правда... Я два танка подбил. Не верите?

– Почему же?..

– Чем же ты их подбил?

– А телефонной трубкой! – говорит рябой. – Там же два

ствола.

Все снова смеются, а рябой продолжает:

– Ведь они, связисты, как?.. Идет по фронту, видит – танки... Раз одного!.. Раз другого!.. И – в сумку...

Снова смеются солдаты.

Улыбается и инвалид. И, заметив его улыбку, весело смеется Алексей...

Ночь. Вагон спит.

Облокотясь на вещевой мешок, спит старшина; откинув голову назад, спит рябой парень; подперев лицо большой мужицкой ладонью, спит веселый ефрейтор. И наш солдат спит, улыбаясь чему-то во сне.

Один инвалид не спит. Сидит, опершись на костыли, думает невеселую думу.

Стучат на стыках колеса, скрипят разболтанные переборки вагона.

Поезд мчится по степи, и где-то впереди уже начинает светлеть небо...

Утро. Станция Борисов. Пассажиры выходят из вагонов.

В дверях вагона появляется инвалид. Он пробирается сквозь толпу, осаждающую вагон, а сам ищет взглядом жену. Алексей с чемоданом идет следом за ним.

Выбравшись из толпы, инвалид останавливается и оглядывается вокруг. Он всматривается в суесящихся на перроне

людей. Жены нет.

Инвалид направляется вдоль перрона. Алексей идет за ним. Но и здесь ее нет.

...Опустевший перрон. Ушел поезд. Разошлись люди. Остались только инвалид и Алексей. Инвалид уже не смотрит по сторонам. Опустив голову, он мрачно уставился в землю.

Алексей, вздыхая, поглядывает на него.

Инвалид поднял голову, сердито сказал Алексею:

– Что ты стоишь?.. Иди.

Алексей молча кивнул, но никуда не ушел.

– Тебе же ехать надо. Иди!

– Я сейчас... – Алексей помялся. Достал кисет, протянул его инвалиду, но, боясь, что тот снова рассердится, вдруг поспешно спрятал кисет в карман.

– Дай закурить, – сказал инвалид не глядя.

...Они стоят на перроне. Молча курят.

Алексей поглядывает на инвалида, а тот, перестав уже надеяться, тоскливо смотрит вдаль, на виднеющийся отсюда город с белыми колокольнями.

Снова перрон заполняется людьми – прибыл поезд, идущий в обратную сторону.

Цигарка догорела до самых пальцев. Инвалид бросил ее и повернулся к Алексею. Почти спокойно сказал:

– Ну вот, брат... Я так и думал. Пошли.

Он поворачивается, чтобы идти к вокзалу, и в это время, перекрывая вокзальный шум, раздаётся звонкий голос:

– Вася!

Инвалид встрепенулся.

– Вася! – Какая-то женщина пробиралась к ним через толпу. Она подбежала к инвалиду, обняла и заплакала у него на груди. – Вася! Васенька!

Он не двигался. Она оторвалась от него, посмотрела в глаза и снова прижалась к нему.

– Вернулся!.. Живой!.. – шептала она.

Губы Василия дрогнули. Он тоже обнял жену.

Она снова посмотрела ему в лицо. Он улыбнулся в ответ. Улыбка получилась грустная и жалкая... Она поняла все.

– Ничего... Ничего... Теперь мы вместе, – улыбаясь сквозь слезы, шептала женщина.

Она гладила его лицо, плечи рукой, перевязанной грязным бинтом.

Алексей, улыбаясь, смотрел на них.

– Я так бежала!.. Автобусы не ходят... – говорила женщина. Инвалид взял ее руку, стал разглядывать. – Это так... стружка, – пояснила она. – Очень тяжелая сталь пошла. Я ведь теперь на заводе...

Рука была в рубцах и царапинах. Инвалид привлек жену к себе, обнял.

– Ну что, хозяйка, машину берете? – спросил человек в ватнике. – А то я поеду.

Женщина повернулась.

– Ах да, – сказала она, поправляя выбившиеся из-под платка волосы. – Мы сейчас... Вася, это шофер... Мы поедем.

Василий ревниво посмотрел на красавца шофера.

...Шофер поднимает чемодан. Жена, взволнованная и счастливая, берет мужа под руку, и они направляются вслед за нетерпеливым шофером.

Им мешают идти костыли. Василий осторожно отнял у жены свою руку, и она пошла с ним рядом. Вдруг инвалид спохватился.

– Подожди, а где же парень? – Он повернулся, отыскивая глазами Алексея. – Где он?!

– Какой парень? – спросила жена.

– Солдат!.. Фронтовичок. Со мной ехал!.. Алеша!.. Алексей! – громко закричал он, оглядываясь по сторонам. Алексея на перроне не было.

Товарный состав. Все двери наглухо закрыты.

Приставив винтовку к вагону и сам прислонившись к нему спиной, стоит здоровенный солдат в короткой шинели, отчего он похож на толстую бабу, собравшуюся мыть полы. Солдат с хрустом уплетает яблоко.

К нему подбегает Алексей.

– Здорово, друг!.. – запыхавшись, говорит он.

– Здорово... – не взглянув на него, отвечает толстый сол-

дат.

– Сейчас отправляемся?

– Точно.

– На Георгиевск?

– Точно...

– Послушай, друг...

– Не разрешит, – перебивает солдат.

– Кто не разрешит?

Солдат долго хрустит яблоком. Сосредоточенно работает челюстями и наконец, проглотив, отвечает:

– Лейтенант.

– Да ты понимаешь?

– Все понимаю. Не положено, стратегический груз.

Алексей смотрит на вагоны. Через маленькие оконца-отдушины видны брикеты прессованного сена.

– Сено – стратегический груз?

– Вопрос – кому сено?.. – невозмутимо отвечает солдат.

– Лошадям... Кому ж еще?

– Вопрос – каким лошадям?

– Ну ладно... – махнул рукой Алексей. – Пускай твое сено стратегическое. Ты пойми только... – Алексей, горячась, достает отпускное свидетельство. – Я же в отпуск еду. С фронта. Понимаешь, друг? Полсуток пропало... А у меня всего их двое!

– Я-то понимаю, – не взглянув в бумажку, отвечает солдат. – Лейтенант не поймет.

– Что же он за человек?

– Он?.. Зверь! Ясно?

Алексей помялся, грустно оглядел эшелон.

– Слушай! Черт с ним, с лейтенантом! Я залезу в вагон.

А он и знать не будет. А?..

– Вот еще... охота мне из-за тебя под трибунал идти!

– Это за что же – под трибунал?

– Подожжешь вагон – вот тебе и трибунал.

– Зачем же мне его поджигать?

– Мало ли... Вон у тебя в мешке что? Может, огнеопасные предметы?

– Да это тушенка!.. Гляди...

– Тушенка? – оживляется солдат. – А ну покажи!

Солдат взял банку тушенки, повертел ее перед глазами, завистливо вздохнул.

– Везет вам, фронтовикам! Там у вас, говорят, трофейных часов, аккордеонов до черта!

– Точно! – согласился Алексей. – Такими аккордеонами лупят – заслушаешься.

Солдат взял у Алексея банку, повертел ее перед глазами. Неожиданно сказал:

– Это что же? Выходит, ты часовому взятку предлагаешь?!

Алексей разозлился, хотел вырвать тушенку из рук часового. Но тот поспешно спрятал банку за спину.

– Да погоди ты!.. Шуток не понимаешь. Я ж пошутил... – Солдат оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было. –

Только уговор, – строго сказал солдат, – залез в вагон – умер!
Ясно?

Вагон.

Справа и слева до самого потолка здесь сложены тюки прессованного сена. Середина вагона свободна, на полу постелена куча сена, надерганного из тюков.

Алексей доволен. Он бросает свои вещи на пол и начинает устраиваться. Вдруг совсем близко послышались голоса. Алексей настораживается и, поняв, что разговаривающие приближаются, быстро разгребает сено и скрывается под ним.

Голоса начинают затихать. Поезд тронулся. Опасность, кажется, миновала.

Алексей вылезает из своего укрытия и вдруг замечает, что кто-то дергает тугую вагонную дверь... Дверь открывается.

Он падает лицом в сено и замирает. Несколько мгновений спустя дверь вновь закрывается. Алексей осторожно поднимает голову и застывает в изумлении. У двери стоит худенькая девушка лет восемнадцати. Она тяжело дышит от волнения и от возни с дверью... У ног ее лежит небольшой узелок.

Девушка уверена, что она одна в вагоне. Она развязывает и сбрасывает с себя платок, расстегивает на груди легонькую кофточку и, подтянув спустившийся от бега чулок, потуже затягивает резинку на худеньком девичьем бедре.

Весь обсыпанный сеном, раскрыв от удивления рот, смот-

рит из своего укрытия Алексей.

Девушка инстинктивно оглядывается и видит солдата. Она замирает от неожиданности и испуга. Несколько мгновений они смотрят друг на друга.

Поезд между тем набирает скорость.

Алексей шевельнулся. Хотел что-то сказать... Девушка сразу бросается к двери. Упирается в переборку ногой. Дверь откатывается. В вагон врывается шум колес. Стремительно проносится мимо земля. Девушка берет свой узелок, выбрасывает из вагона и сама хочет прыгнуть за ним. Но тут Алексей хватает ее сзади за локоть.

– Куда?! – кричит он, оттаскивая девушку от двери.

Она по-своему понимает его действия и яростно отбивается.

– Пусти, подлец! Пусти!..

Он толкает ее к тюкам с сеном.

– Мама! – кричит она в отчаянии и, размахнувшись, что есть силы бьет его по лицу.

Не успевает Алексей опомниться от удара, как летит, отброшенный сильным толчком ее ноги, в другой конец вагона.

Девушка снова бросается к двери, но в эту минуту поезд въезжает на мост. Грохот и мелькание ферм в проеме двери отрезвляют девушку. Она останавливается, в ужасе закрывает глаза.

Подоспевший Алексей снова отбрасывает ее назад. Она падает на мягкое сено, испуганно хватается за юбочку,

смотрит на него глазами, полными ненависти и страха.

– Дура!!! – кричит он и поворачивается к двери.

– Пусти... – неуверенно скулит ему вслед девчонка.

Дверь с шумом захлопывается. В вагоне становится тише.

Алексей поворачивается, строго смотрит на девушку. Но едва он делает движение от двери, как она снова вскакивает на ноги.

– Только подойди! – угрожающе кричит она и пятится назад.

Алексей удивлен.

– Ты что, ненормальная?

– Только подойди – тогда узнаешь!

– Нужна ты мне!.. – сердито отмахивается Алексей. Он идет к своему месту и опускается на сено. Девушка на всякий случай переходит в другой конец вагона. Переждав некоторое время, она подходит ближе к двери.

– Куда?! А ну уйди от двери! – строго приказывает Алексей.

– Не уйду!..

– Уйди, говорю, а то хуже будет!..

Девушка упрямо вцепилась в ручку. Алексей поднимается и делает шаг по направлению к ней.

– А-а-а!!! – что есть силы кричит девушка. Он остановился. Девушка сразу умолкает.

– Ты чего? – удивляется он.

– А ты чего?

– Ну чего ты орешь? Тебя что, режут?

– А ты не подходи...

– А ты уйди от дверей.

– Не уйду!

Алексей двинулся к ней.

– А-а-а!! – снова завопила девушка.

– Точно. Ненормальная, – сказал он и пошел к своему месту.

...Шло время. Девушка все стояла на прежнем месте. Алексей повернулся, посмотрел на нее, улыбаясь спросил:

– Ну, чего ты боишься?

Девушка отвернулась.

– Я тебя не трону.

– Попробуй!

– До утра стоять будешь?

Девушка отвернулась.

...Поезд, замедляя ход, приближается к станции. Еще не успел он остановиться, а к нему бегут уже через пути несколько женщин с мешками и корзинами. Увидев их, толстый солдат лениво спрыгивает с площадки заднего вагона. Направляется наперерез.

В вагоне, у двери, девушка. Она несколько раз дергает ручку, но дверь не поддается. Тогда она поворачивается к

Алексею и требовательно говорит:

– Открой дверь. Я сойду.

Алексей подошел к двери.

За ней вдруг раздается громкий окрик толстого солдата:

– А ну, откатись от военного эшелона!.. Поймаю – всех в трибунал сдам!

Девушка вздрагивает, испуганно смотрит на Алексея. Он подносит палец к губам.

Вагон качнуло. Снова тронулся поезд. За дверью опять кричит часовой:

– Эй, гражданочка, тебе говорят!.. Сейчас расстреляю на месте!..

Поезд набирал скорость. Девушка в отчаянии взглянула на Алексея. Тот развел руками.

Впереди раздался протяжный гудок паровоза. Простучали на стрелках колеса... С каждым мигом поезд удалялся от станции. Девушка низко опустила голову и тихо заплакала.

Алексей заволновался.

– Ну, это ты зря... – начал было он.

– Это все ты!.. – заговорила она сквозь слезы. – Это все ты виноват!.. Во всем ты виноват!.. Из-за тебя я вещи выбросила!

– Да ведь ты бы разбилась!..

– А тебе какое дело?! – не переставая реветь, продолжала она. – Тебя не просили!

– Ну и разбилась бы!

– А тебе что? Что ты ко мне привязался?

Алексей удивленно захлопал глазами.

– Я привязался?

– А кто же еще?

– Сама в вагон влезла, а я привязался.

– Да-а... А зачем ты в солому спрятался?

– Вот чудачка! Во-первых, это не солома, а сено... Во-вторых, что же ты думаешь, я от тебя, что ли, прятался?

– А от кого же?

– От лейтенанта!

– От какого лейтенанта?

– От начальника эшелона. Я ведь тоже, как ты, зайцем еду... А поймают – знаешь, какая волынка начнется? Проверка... Комендатура!

Широко раскрытыми, полными слез глазами смотрела девушка на Алексея. Он улыбнулся и признался ей:

– Да ведь я еще больше, чем ты, испугался. Я думал, что ты лейтенант!..

Девушка улыбнулась.

Алексей продолжал в том же тоне:

– Страху натерпелся, оплеуху заработал, да еще и виноват во всем!

Оба засмеялись. Потом девушка стала серьезной.

– У меня ведь там, в узелке, все, – говорит она. – И вещи, и хлеб, и юбка – все, все!..

– Ничего, вернешься и найдешь свой узелок.

– Вы так думаете? – Девушка с надеждой смотрит на Алексея.

– Конечно! Куда ему деться? Наверное, лежит сейчас в канавке и вас дожидается... – тоже переходит на вы Алексей.

Вдруг девушка, вспомнив что-то, испуганно вскрикивает.

– Ой!

– Что вы? – тоже пугается Алексей.

– У меня и расческа там!

Алексей засмеялся.

– Вот вы смеетесь... А знаете, как сейчас трудно расческу достать?

– Возьмите мою, – говорит Алексей и протягивает девушке расческу.

Она с интересом рассматривает большую, с крупными неровными зубьями, металлическую расческу.

– Ой, какая!..

– Берите насовсем, – щедро предлагает он.

– А как же вы?

– Берите! У нас их полно! Мы их сами делаем!

– Как – сами?

– Очень просто. Из самолетов.

– Из каких самолетов?

– Из немецких.

– Расчески из самолетов?

– И ложки, и мундштуки... Дюралюминий!

– А-а!.. Ну спасибо!

Они помолчали. Под вагоном ровно стучали колеса, поскрипывали стены. Девушка вздохнула и с тревогой спросила:

– Что же он все едет и едет?..

...Поезд подходит к небольшой станции. Вагон дернулся. Заскрипели тормоза.

– Подъезжаем... – сказал Алексей. Он с сожалением вздохнул. – Вы сходите, только быстро, чтобы никто не заметил!

Девушка кивнула. Поезд медленно сбавляет ход.

– А если узелка нет? Что я тогда делать буду?.. Ведь у меня ничего – ни денег, ничего...

– Да-а... – сочувственно протянул Алексей. – Ситуация!

Помолчали.

– Знаете что? – вдруг сказал Алексей. – А вы не слезайте!

– Как же так?

– Обойдемся... Еда у меня есть. Поезд идет хорошо, и вагон со всеми удобствами!..

Она внимательно посмотрела на него:

– Нет. Я сойду...

Она встала ближе к двери, чтобы открыть ее, как только вагон остановится.

– Оставайтесь!.. – еще раз предложил Алексей.

Девушка отрицательно покачала головой.

Поезд остановился. Она взялась за ручку, прислушалась.

Было тихо...

Он молча ждал.

– Кто-то там ходит, – сказала она.

Алексей прислушался. Было тихо.

– Да... Кажется, кто-то ходит, – сказал он.

Помолчали.

Девушка не двигалась. За дверью вагона по-прежнему было тихо. Наконец поезд медленно тронулся. Она потупившись стояла у двери. Алексей не спускал с нее глаз.

Поезд набрал скорость. Алексей облегченно вздохнул. Он быстро подошел к своему мешку и стал доставать из него хлеб и сало.

– Садитесь... – пригласил он ее.

– Нет-нет. Спасибо! Я не хочу. Я сыта.

– Да вы не стесняйтесь!

– Я не стесняюсь. Я сыта.

– Ну, попробуйте! Смотрите, какое сало.

– Сало? – заинтересовалась она.

– Да. Берите!

– Ну разве что попробовать. Мне маленький кусочек...

Только попробовать!..

И вот они сидят друг против друга на сене и едят. В руках у девушки – здоровенный кусок сала с хлебом. Она уплетает его за обе щеки, видно, очень голодна.

Алексей тоже ест с аппетитом.

– Вкусно? – спрашивает он.

– Угу... – кивает девушка. Рот ее набит едой.

– Сухой паек.

– Угу... – Девушка торопливо проглатывает кусок и горячо добавляет: – А я еще очень вафли люблю!.. Такие... трубочкой... Помните, до войны продавали?

– Я до войны в деревне жил.

– А я в городе... И до войны, и сейчас.

Они помолчали.

– А вы на меня не сердитесь? – спросила вдруг девушка.

– За что?

– Ну как же.

– Не за что.

– Ну... за то, что я вас ударила.

– Что вы!.. Это бывает... Это даже хорошо для знакомства!

– Так глупо получилось. Вы меня извините.

– Я тоже виноват. Испугал вас.

Они помолчали.

– Знаете что? – предложила вдруг девушка. – Давайте познакомимся?..

– Давайте!.. – Он встал и протянул руку. – Меня зовут Алексей.

– А меня Шура.

– Очень приятно.

– Очень приятно!..

Взвизгнули тормоза. Шурка и Алексей разом повалились в сено. Поезд резко сбавил ход. Пока они, смеясь, поднимались, поезд остановился. За дверью вагона слышались голоса:

– Ведро здесь?

– Вроде нет, товарищ лейтенант.

– А ну откройте!

Алексей и Шурка снова упали в сено и торопливо зарылись в него.

– Да открывайте же, Гаврилкин! Что вы там возитесь? – сердито сказал кто-то.

– Сейчас, товарищ лейтенант. Тут, понимаете, такое дело... сразу нельзя... Что-то заело, товарищ лейтенант!..

Солдат явно оттягивал время. Наконец дверь откатилась.

– Ну что там?

– Все в порядке, здесь оно!

Толстый солдат, косясь в сторону сена, взял из угла ведро и вдруг заметил торчащую из сена женскую туфлю. Он даже остановился от неожиданности.

– Да быстрее же, Гаврилкин. Сейчас тронемся!

– Есть, товарищ лейтенант, иду!

Гаврилкин хмыкнул и прыгнул на землю. Отдав ведро, он закрыл дверь. Потом снова хмыкнул и пошел от вагона.

Поезд уже отошел от станции. Выскользнув из-под руки Алексея, Шурка быстро поднялась и села. На лице ее смущение.

– Чуть не засыпались... – говорит Алексей, стряхивая сено, а сам смотрит на девушку. – Испугалась, Шура?

Она отрицательно качает головой.

– Ты ведь трусиха.

– Нет... – отвечает она очень тихо и отодвигается к брикету.

– Шура... – Он упирается рукой о брикет, и она оказывается у него в плену. А он все глядит на нее. – Хорошее имя

– Шура!.. Мне нравится.

Девушка отрицательно качает головой.

– Шура!.. Ты к кому едешь? – Он совсем приблизился к ней.

Она смотрит ему в глаза и, увидев в них что-то, пугается.

– Я?.. Я в Купинск еду... Я к жениху. Он в госпитале лежит...

– Что? – не понимая, переспросил Алексей.

– ... Его очень тяжело ранили... – продолжает девушка. – Он летчик. Честное слово!..

Отбросив ослабевшую руку Алексея, девушка уходит в дальний конец вагона.

Несколько секунд они стоят так, прислушиваясь к стуку собственных сердец. Взгляды их наконец встречаются.

– Я лучше сейчас сойду, – говорит девушка.

– Почему?

– Так...

– Ты что? Обиделась?

– Нет.

– А чего же?

– Просто так...

– Думаешь, я тебя к жениху не довезу?

– Ничего я не думаю. Я сойду.

– «Сойду», «сойду»!.. Ну и сходи! – рассердился Алексей. – Подумаешь!.. Что я такого сделал? Я к тебе как к человеку, а ты... ты за кого меня принимаешь?!

– Да, а вы знаете, какие бывают люди! – горячо возразила Шурка. В глазах ее появились слезы. – Когда моя мама погибла... и я осталась одна... – Девушка вдруг запнулась и опустила голову.

Алексей виновато и сочувственно смотрел на нее.

Он хотел что-то сказать, но не нашел слов.

Помолчали.

Потом Шурка посмотрела на него, улыбнулась сквозь слезы и неожиданно сказала:

– Пить хочется, правда?

– Да, – ответил Алексей и тоже улыбнулся.

Остановка. Из вагона с котелком в руке выпрыгивает Алексей. Оглянувшись по сторонам, он бежит к станции. Толстый солдат, проводив Алексея взглядом, направляется к его вагону.

...Мимо санитарного эшелона Алексей пробегает к колонке. Пока из крана ленивой струйкой сочится вода, Алексей беззаботно поглядывает по сторонам.

У санитарного эшелона греются на солнышке несколько раненых. Оттуда слышится громкий смех.

От эшелона с ведрами бежит к колонке краснощекая полная санитарка.

Алексей снимает с крана котелок.

– Эй, женишок, – улыбается она, обнажая большие неровные зубы. – Дай-ка водички попить!

Пить ей не хочется. Это так, для знакомства.

– Некогда, доктор! – весело отвечает Алексей и, стараясь не расплескать воду, бежит к своему эшелону.

* * *

В вагоне стоит вконец напуганная Шурка. Перед ней – толстый солдат.

– А вот сдам тебя в военный трибунал, тогда узнаешь, как в секретные эшелоны проникать! Следуй за мной!

Шурка не двигается.

В дверях появляется Алексей с котелком воды.

– Следуй за мной!.. – повторяет толстый солдат.

– Не пойду! – упирается Шурка.

– Следуй, тебе говорят! – Солдат хватая Шурку за плечо.

Алексей одним прыжком метнулся в вагон.

– А ну брось!

– А-а!.. Явился, голубчик, – злорадно протянул толстый солдат. – Как же это получается: мы с тобой по-честному до-

говаривались, а ты здесь гражданских лиц провозишь?

– Какая разница – один человек или два?

– Значит, разница!.. А ну, гражданочка!

Часовой взял Шурку за плечо.

Алексей подошел и, отбросив руку часового, встал между ним и Шуркой.

– Никуда она не пойдет! Ясно? Катись отсюда!

– Что-о?!.. – удивился солдат. – Это кто же здесь старший?

Ишь устроился здесь со всеми удобствами – сено, девочка...

– Замолчи! – шагнул к нему Алексей.

– Думаешь, я не видел?.. Все видел!

– Что ты видел?

– Как вы с ней в сене кувыркались!

Короткий и точный удар сбил солдата с ног. Опрокинулся котелок с водой. Вскрикнула Шурка.

Солдат, сидя на полу, отупело хлопал глазами. Постепенно он пришел в себя и вдруг сказал спокойно и даже с каким-то злорадством:

– Оч-чень хорошо! Нападение на часового во время несения караульной службы! Знаешь, что за это бывает?

Он поднимается, поправляет обмундирование.

– Ну и дерьмо же ты! – с презрением говорит Алексей.

– Это с какой точки смотреть, – невозмутимо говорит толстый солдат, продолжая заправляться. – С твоей, может, и дерьмо, а с моей – мне цены нету! – И вдруг, рассердившись, кричит: – А ну, вылезайте к чертовой матери из ваго-

на! Оба!.. Не подчинитесь – стрелять буду! Панику подниму... Имею полное право!

– Стреляй! Как страшно!

– Ты еще лейтенанта не видел, оттого такой храбрый. Сейчас я тебе устрою! – И солдат, решительно щелкнув затвором, поднял вверх винтовку.

– Ну ладно, – примирительно сказал Алексей, – погорячились, и хватит. Давай поговорим по-хорошему... – Он взял солдата за руки и мягко, но настойчиво заставил опустить винтовку.

– Мне с тобой говорить не о чем. Убирайся из вагона со своей...

– Ну! – вскипел Алексей и сжал кулаки.

Солдат поспешно отодвинулся.

– Даю два выстрела вверх... а потом!.. – Он спотыкается о вещевой мешок Алексея. Глухо звякнули консервные банки. – Разложили здесь... Тушенку жрете!

Алексей улыбнулся:

– Хочешь, я тебе еще банку дам?

Солдат молча отвернулся.

– Ну, две...

– Оскорбление личности хочешь тушенкой замазать?

– Да ты не сердись!.. Я по-свойски. Хочешь, извинюсь?

Солдат помялся.

– Ладно... Давай тушенку.

Алексей достал две банки и протянул их часовому. Тот

с обиженным видом принял их и стал запихивать в карман. Инцидент, казалось, был исчерпан.

В это время в дверях показался лейтенант.

– Это еще что такое?! – сказал он высоким голосом, щурясь сквозь толстые очки.

– Вот, товарищ лейтенант, самовольно проникли в вагон. Принимаю решительные меры!.. – сразу докладывает толстый солдат.

– Кто такие?.. Куда едете? – спросил лейтенант.

– До Георгиевска, товарищ лейтенант. Вот мои документы. – Алексей протягивает документы.

Лейтенант прочитал бумагу.

– Ого!.. – воскликнул он и с интересом оглядел Алексея. – А девушка с вами?

Алексей и Шурка ответили одновременно, только она сказала «нет», а он сказал «да».

Лейтенант улыбнулся.

– Понимаете, товарищ лейтенант!.. – горячо начал Алексей. – У нее все вещи и деньги пропали, так что приходится...

– Ладно-ладно!.. Не ври, – перебил его лейтенант. – Только вы с огнем поосторожней!..

– Я не курю.

Лейтенант повернулся к Гаврилкину и заметил банку тушенки, которую тот пытался засунуть в карман.

– Это еще что? – спросил он строго.

– А это, товарищ лейтенант... – Гаврилкин повертел банку, как будто впервые увидел ее, – вроде как тушенка.

– Где вы взяли? У них?.. Сейчас же верните!

– А они, товарищ лейтенант... того... добровольно!

– Прекратить разговоры! – закричал вдруг лейтенант высоким голосом. – Стойте, как полагается! Опять вымогательством занимаетесь! Двое суток ареста! – Очки лейтенанта мерцали недобрым светом.

– За что же?.. – начал было толстый солдат.

– Позор! – сказал лейтенант, тронул очки, спрыгнул на землю и исчез.

Толстый солдат развел руками. В одной из них была банка.

– Ну вот... – сказал он. – Я ж говорил... Зверь!

Заливается звонким смехом Шурка. Она поднимает с полу опрокинутый котелок и показывает Алексею пустое дно.

Смеется она заразительно и с удовольствием, как смеются только в юности. Алексей широко улыбается.

Он подходит к двери и распахивает ее.

– Теперь можно! Теперь нам никакой «зверь» не страшен.

– «Зверь»!.. – улыбнулась Шурка. – А все-таки как приятно, Алеша, когда думаешь о человеке плохо, а он оказывается хорошим!

Алексей кивнул.

Оба задумались. Потом Шурка вдруг спросила:

– Алеша, а вы верите в дружбу?

– А как же. Солдату без дружбы нельзя.

– Нет, это я знаю. А вот между парнем и девушкой?

– А почему же? Есть девушки даже лучше ребят.

– Я тоже так думаю, а некоторые считают, что возможна только любовь.

– Ерунда! Я, например, с одной девчонкой дружил... Дружили и ни о какой любви не думали.

– А может быть, этого не замечаешь, а сам любишь?

– Ее-то? – удивился он. – Ну нет!

– А может, она?

– Да она девчонка совсем... Соседка наша Зойка. Нет, любовь – это другое, – сказал Алексей и нахмурился.

Шурка улыбалась своим мыслям.

– Алеша, а вам хотелось бы встретить друга?.. Настоящего, чтобы на всю жизнь? – спросила она после паузы.

Алексей кивнул утвердительно.

– И мне! – обрадовалась девушка. – Вот выдумаете, почему я еду? Вы думаете, что...

– Ты правильно делаешь, что к нему едешь! Ты – молодец.

– Ой, все это не так!

– Молодец, молодец. Не то что какая-нибудь вертихвостка.

– Нет, Алеша, вы ничего не знаете...

Оба замолчали. Потом девушка посмотрела на Алексея и, решившись, сказала:

– Знаете, Алеша?..

– Что? – Он повернулся к ней.

Она смутилась. Отвела взгляд.

– Очень пить хочется. Правда?

– Да.

Ночь. Поезд мчится мимо разрушенных сел, мимо обгоревших станций, мимо сброшенных с путей разбитых вагонов.

Шурка не заметила, как уснула на плече у Алексея. Он не может уснуть. Сидит задумавшись. Прислушивается к дыханию девушки. Шурка во сне доверчиво прижалась щекой к его плечу. Он осторожно поднимается и отходит к двери. Смотрит на проплывающие мимо темные деревья молодой рощи.

Шурка разметалась во сне. Алексей глядит на девушку, потом тихо подходит к ней, наклоняется и укрывает своей шинелью.

Поезд подходит к какой-то станции.

Останавливается между двумя составами.

Алексей берет котелок и поднимается.

Шурка открывает глаза:

– Куда ты, Алеша?

– Воды принесу... Ты спи.

Он спрыгивает вниз. Мимо проходит железнодорожник с фонарем в руке.

– Постоим, папаша? – спрашивает Алексей.

– Должно, постоим.

– А колонка где?

– Вон там.

Алексей подлезает под стоящий рядом состав, бежит через пути к колонке. У колонки – длинная очередь. Подходит Алексей. Из репродуктора слышны слова сводки. Вся очередь, замерев, слушает их. «В результате тяжелых боев, в которых уничтожено много живой силы и техники противника, наши войска оставили город Курск».

Алексей обращается к очереди:

– Разрешите, товарищи, котелок набрать, я с эшелона, – просит он.

И, словно найдя выход горькому чувству, женщины набросились на солдата:

– Все здесь с эшелона!..

– В очередь вставай!

Алексей помялся и, махнув рукой, пошел назад к эшелону.

В это время завыла сирена. Из репродуктора послышались слова диктора:

– Граждане, воздушная тревога!..

Оглянувшись назад, Алексей увидел, как от колонки разбегаются очереди. Тогда он вернулся. Спокойно набрал воду и, поглядывая на небо, по которому рыскал луч прожектора, быстро пошел к эшелону. Какие-то люди пробежали мимо

него. Кто-то ругался у соседнего состава. Алексей полез под вагон и замер – эшелона не было. Он выскочил из-под вагона и оторопело смотрел на пустые пути. Вдруг он заметил того же железнодорожника с фонарем.

– А эшелон где? – спросил он его.

– Ушел эшелон... а ты что, остался?

– Вы же говорили, что он постоит! Нарочно людей подводите? – чуть не со слезами набросился на старика Алексей.

– Воздушная тревога! Приказано разгрузить станцию.

– Что же делать?.. А? Отец? Скажи, что делать? Я должен его нагнать. Посоветуй!

– На Узловой он постоит часа три, а то и больше. А только как до Узловой добраться?

– Надо добраться! Не может быть, чтобы не было способа.

Подумай, отец. Может, машина какая?

– Машина?.. А ты к лесному складу беги. Склад-то этот за станцией. Близко.

Склад лесоматериалов. Штабеля бревен, досок, теса. Все это – в тревожном синем отсвете электрических лампочек военной поры.

У склада стоят два старых грузовика.

В одну из машин две женщины-грузчицы накладывают доски. Им помогает маленькая, средних лет женщина в телогрейке. К машинам подбегает Алексей. Он обращается к сидящему в переднем грузовике шоферу. Тот, в полушубке

и зимней шапке, дремлет, склонившись к баранке.

– Послушай, друг, мне сказали, тут есть машина на Узловую!

Шофер поднимает голову и оказывается пожилой женщиной с усталым и сонным лицом.

– Извиняюсь, – пробормотал растерявшийся Алексей.

«Шоферша», зевнув, проговорила:

– Вон, иди с ней договаривайся. – И, указав на женщину в телогрейке, снова склонила голову к рукам, лежащим на руле.

Алексей направляется к женщине в телогрейке. Та стоит, разговаривая о чем-то с кладовщиком. Грузчицы перестали работать и прислушиваются к их разговору.

– Я сказал – все, значит, все! Конец! – грубо орет кладовщик.

Алексей подходит ближе и слышит, как женщина тихо, с горечью говорит:

– Совести у тебя нет! Десяток досок недодал. У нас же скот под открытым небом стоит!

– У всех под открытым небом! – орет кладовщик. – Все понимают – война! А ты все канючишь! Уходи, не мешай другим грузиться!

– Постыдись, отдай доски – все равно пропьешь, а колхозу они вот как нужны!

– А ты со мной пила?! – еще громче заорал кладовщик. – Пила?! Да? Ты кого оскорбляешь?! – грудью напирает он на

маленькую женщину. – А ну проваливай! – Он толкает ее.

У Алексея нет больше сил сдерживаться. Он бросается к кладовщику и, задыхаясь от ярости, почти шепотом говорит:

– Ты что же, гад, делаешь? Перед тобой женщина!

– А ты что суешься? Ты кто такой?! – орет кладовщик.

Сжав кулаки, Алексей молча, медленно идет на кладовщика. Он очень страшен сейчас. Кладовщик попятился.

– Ты что? Псих? Контуженый? Ты смотри! Эй! – в страхе все громче и громче повторяет он, продолжая пятиться. Он спотыкается о какой-то предмет и падает на штабель из бревен.

Алексей склоняется к нему, рывком хватая за ватник, замахивается.

– Бабы! – орет кладовщик. – Бабы! Отдайте ему доски! Бабы! – Он в страхе закрывает глаза.

Алексей, огромным усилием сдержав себя, отшвыривает кладовщика, поворачивается и быстро выходит из склада.

...Кончилась погрузка. Алексей сидит в кабине. Женщина включает мотор.

– Ну и злой ты, парень!.. До сих пор лица на тебе нет.

– Я не злой... – глухо отвечает Алексей, – а только... я таких ненавижу! Он хуже фашистов! Те враги – и все ясно. А эти!..

– Это правильно, – вздыхает женщина. – Подлец один, а скольким людям жизнь портит.

Алексей приоткрыл дверцу, высунулся и увидел трусливо

выглядывающего из ворот кладовщика.

– Счастье твое, что времени мало! – крикнул ему Алексей. – Вернусь с фронта – я с тобой не так поговорю! – Он хлопнул дверцей.

А когда машина тронулась, осмелевший кладовщик закричал вслед:

– Ты еще вернись! Ты сначала вернись с фронта!

Ночь... По размокшей от дождя дороге идет машина. Алексей взволнованно прислушивается к неровной работе мотора. Мотор ревет, захлебывается. Машина медленно продвигается вперед, съезжая в скользкие колдобины.

– Черт меня дернул сойти с эшелона! – нервничая, говорит Алексей.

– Ничего, авось догонишь... На Узловой поезда иной раз по полсутки стоят. Тебе далеко?

– В Георгиевск.

– Свободно может простоять! На фронт – другое дело. Туда без остановки... – Женщина глубоко и горько вздохнула. – Эх, война, война! Конца-краю не видно.

– Дорога дрянная.

– Да... Сын у меня на фронте. Полевая почта сто тридцать девять. Не слышал?

– Нет.

– Танкист... Водитель танка... – начала было «шоферша», но перебой в моторе усилились. Женщина замолчала, по-

спешно схватила за ручку подсоса. Напрасно. Мотор работал все глуше и наконец замолк.

Алексей огорченно взглянул на женщину.

– Что поделаешь, – сказала она и невесело пошутила: – Машина-то мне ровесница!

...Алексей ожесточенно крутит ручку. Женщина бросается от капота к кабине и снова от кабины к капоту, дергает за какие-то рычаги. Мотор нехотя начинает работать.

Снова идет машина. Гудит, захлебывается мотор.

– Так и живем с этой техникой... А все-таки колхоз людей кормит... Одни бабы, а кормит! На все бабы – и работать, и детей смотреть, и слезы лить... Только бы живой вернулся... Молодой он, горячий, сам в драку лезет!

Мчится по дороге машина. Мотор работает ровно. Мимо проносятся мокрые от дождя стволы деревьев.

– Тащит старушка! – одобрительно говорит шофер. – Она, проклятая, у меня с норовом: то с места не сдвинешь, а то летит как бешеная...

– Так, может, и эшелон догоним?

– А что? Возможное дело. Минут через сорок будем там.

Увязшая в грязи машина. По колеям видно, как она проскочила поворот и съехала в болото. Земля вокруг глубоко истоптана сапогами. Грязные доски торчат из-под колес. Около машины стоят Алексей и его спутница.

– Теперь до конца войны отсюда не вылезем! – махнув безнадежно рукой, говорит она. – Прости меня, дуру старую. Третьи сутки не сплю.

Алексей огорченно молчит.

Издалека, нарастая, слышится тяжелый гул моторов и скрежет металла.

– Что это? – спрашивает женщина.

– Кажется, танки.

Гул и скрежет все ближе, и вот из дождливой ночной мглы появляется силуэт тяжелой машины. Разворачиваясь, танк освещает Алексея и шофера лучами своих фар и, подержав их несколько секунд на свету, грозно ревя, проходит мимо.

За ним – другой, третий, четвертый... И каждый светом своих фар выхватывает из темноты старенькую машину и стоящих около нее женщину и солдата.

– К фронту, – говорит солдат.

Последний танк, разворачиваясь, освещает их и, вдруг подъехав вплотную, останавливается. Откидывается крышка люка, и из танка высовывается молодой усатый красавец – командир машины.

– Привет аргонавтам!.. – кричит он с веселым задором. – Что? Идет ко дну ваш кораблик?! – И, не дождавшись ответа, обращается к кому-то сидящему внутри машины: – Вася, волоки тросик – выручим челюскинцев!

Из машины появляется еще один танкист – маленький, ловкий, с тросом в руках. Он быстро цепляет один конец к

танку, с другим подбегает к увязшей машине. Алексей бросается помогать ему. Они вдвоем зацепляют трос. Танкист между тем спрашивает солдата:

– Ты, служба, как здесь очутился?

– Да вот, ехал на станцию и застрял.

– Понятно!.. Царице полей всегда без нас гибель! – Он выпрямляется. – Порядок, товарищ лейтенант!

Командир, наклонившись, говорит что-то в люк, и через секунду танк, взревев, одним длинным рывком, как игрушку, выкидывает грузовичок на дорогу. Лейтенант громко смеется. Вася, смотав трос, быстро взбирается на танк, кричит на прощанье:

– Сообщите, как добрались!

– Куда сообщить-то? – спрашивает «шоферша».

– Адрес известен: Берлин, до востребования, сержанту Василию Черту!

Крышка люка захлопнулась, и танк, рванувшись, умчался догонять колонну.

– Вот уж истинно – Черт так Черт!.. – проговорила женщина, глядя вслед, и с горечью добавила: – Сколько силы уходит... Проклятая война! Если бы всю эту силу на добрую пользу – какая бы жизнь была на земле!

Машина останавливается на переезде. Алексей выпрыгивает из нее и, взмахнув на прощанье рукой, бежит к станции.

В предрассветных сумерках на путях темнеет эшелон. Па-

ровоза нет. Радостно размахивая котелком, Алексей бежит к эшелону. Он пробегает мимо колонки. Из крана сочится вода. Алексей возвращается, улыбаясь набирает в котелок воду и, стараясь не расплескать ее, спешит к эшелону.

От эшелона отделяется часовой и вскидывает винтовку:

– Назад, товарищ боец!

Алексей останавливается. Он видит худого длинного часового.

– Я с этого эшелона, – говорит он. – Мне лейтенант разрешил.

– Какой лейтенант?

– Начальник эшелона. И Гаврилкин знает.

– Какой еще Гаврилкин?

– Что до тебя был. Толстый такой... Часовой.

– А! Этот... вроде бабы?

– Ага! – обрадовался Алексей.

– Этот эшелон час как ушел! А мы в другую сторону...

Только теперь Алексей разглядел, что это другой эшелон.

Алексей постоял немного, с досады выплеснул из котелка воду и медленно пошел к вокзалу. Он шел, понутив голову. Усталость и приключения этой ночи одолели его.

Вдруг он остановился пораженный... Прямо перед собой он увидел Шурку с его вещевым мешком и шинелью в руках.

– Шурка! – удивился он. – Ты здесь?

– Да. – Она поспешно протянула ему вещи: – Вот... вы забыли.

– Шурка!.. Какая ты умница!

– Это из-за меня ты отстал.

– Глупая, я думал, что не увижу тебя!

– А я ждала.

Глаза Алексея радостно блестели.

Шурка отвела взгляд и увидела котелок. Она быстро присела и заглянула в него. Он был пуст.

– Так пить хочется! – сказала она, подняв глаза на Алексея.

– Ты еще не пила?

– Боялась тебя пропустить.

– Шурка ты моя! Идем!

Он схватил ее за руку и потянул к колонке. Здесь по-прежнему никого не было. Он подставил под кран котелок, но она не хотела ждать. Отстранила его и жадно пила холодную воду прямо из-под крана. Он стоял рядом и блаженно улыбался.

Потом под краном она мыла ноги, радуясь ласковой свежести воды. А он смотрел на нее, на ее молодые стройные ноги, на ее радостно улыбающееся лицо и тоже улыбался. Потом они тут же уселись завтракать. Она сама аккуратно нарезала хлеб и, приготовив бутерброд, подала его Алексею... Она знала, что он смотрит на нее, и от этого ее движения были легки и гармоничны. Потом она потащила его за руку к станции.

– Я все узнала, – говорила она на ходу. – Через два часа будет пассажирский до самого Георгиевска.

– Два часа?.. – Алексей посмотрел на часы. – Знаешь что?

Пойдем погуляем по городу. Я его хорошо знаю.

– Пойдем! – согласилась Шурка.

– Или знаешь что? Пошли в кино!

– Ой, правда! – обрадовалась Шурка. – Я сколько уже в кино не была.

Они быстро идут в сторону города.

Прямо от станции начинается большой парк. Они проходят по парку. В парке тихо, безлюдно. С высоких деревьев слетают пожелтевшие листья.

– Красиво, правда? – спрашивает Алексей.

– Да. Только немного грустно, – говорит Шурка. – Осень!

– А мне не грустно.

– И мне.

– Давай посидим.

– Давай. Посидим и пойдем дальше.

Они усаживаются на одну из скамей.

Тишина. Одни деревья окружают их, и только вдалеке, в самой глубине парка, видна медленно бредущая пара старых супругов, одетых во все черное.

– Шурка, как хорошо, что ты не уехала! – говорит Алексей.

– Да... – Она усмехнулась. Потом задумалась. Лицо ее стало грустным. – Скоро будешь дома... – сказала она. – И мне уже не много осталось.

– Да... Ты уже почти на месте.

– А тебе от Купинска близко?

– Рядом! А мать ничего не знает.

– Вот обрадуется!

– Куда там!.. Жалко, я много времени потерял. Ну ничего!

Почти сутки еще дома буду. Починю крышу, и обратно.

– На фронт?

– Да.

– Знаешь что, Алеша?

– Что?

– Давай не пойдем в кино. Лучше посидим здесь. Хорошо?

– Хорошо. В кино жарко. Правда?

Помолчали.

– А хорошо мы с тобой ехали, Шурка.

– Хорошо... Только знаешь что, Алеша?

– Что?

Алексей еще ближе склонился к девушке.

Она не отстранилась. Только пальцы ее быстро-быстро перебирали лямки лежащего на скамье вещевого мешка Алексея...

– Алеша, а платок этот... кому? – вдруг спросила она.

– Какой платок?

– Что в мешке.

Алексей улыбнулся:

– Матери. Подарок.

– Правда?! – обрадовалась девушка. – И мыло тоже?

– Какое мыло?

– Мыло. Два куска!

Алексей вздрогнул, поднялся.

– Черт! Совсем забыл! – хлопнул он себя по лбу. – Пони-
маешь, Шурка. Это посылка. Парень один передал. Фронт-
вик. – Алексей волновался все больше и больше. – Хорошо,
что мы не уехали. Ее нужно отнести!

– Куда?

– Здесь совсем близко. Улица Чехова! Отнесем, Шура?

Шурка вздохнула.

– Тут рядом. За десять минут управимся!.. А потом мы
опять сюда придем... Да, Шура?

– Да, – тихо ответила она.

Алексей и Шурка быстро идут по улице. Шурка спраши-
вает на ходу:

– А этот Павлов – твой товарищ?

– Нет. Я его и не знаю совсем. Случайно встретились. Он
с командой на фронт шел.

Шурка ласково посмотрела на него.

Они сворачивают за угол.

На табличке, прибитой к стене, надпись: «Улица Чехова».

– Как близко! – говорит Шурка.

Алексей смотрит на номер дома – «21».

– Седьмой – там. Пошли!

Они идут по улице Чехова. Минуют один дом, второй,

третий, и радость сползает с их лиц. Дальше вместо домов – развалины.

Алексей и Шурка останавливаются и растерянно смотрят друг на друга.

По гряде кирпича, щебня, обвалившихся стен и скрученного железа ходит сгорбленная, сухонькая старушка и выбирает щепу на растопку.

– Бабушка! – окликает ее Алексей.

Старушка поднимает голову.

– Скажите, где седьмой номер?

– А вот он... – Старушка просто показывает щепкой на развалины. Видя замешательство парня и девушки, она топчется к ним. Подходя, вглядывается в их лица подслеповатыми глазами. – А вы к кому?

– Нам Павловых, – отвечает Алексей.

– Живы... – улыбается старуха. – И Лизавета, и старик живы! Лизавета Петровна на Семеновской живет. Семеновская, тридцать восемь, а старик, должно быть, на заводе.

– Семеновская вроде недалеко, – сказал Алексей, взглянув на часы. – Успеем! Пойдем!

– Пойдем! – согласилась Шурка.

– Квартира пять! – напутствует их старуха.

Табличка над парадным: «Семеновская, 38».

Алексей и Шурка быстро входят в дверь.

Поднимаются по лестнице.

Неожиданно сверху слетает несколько мыльных пузырей. Шурка обрадовалась, как ребенок. Они посмотрели вверх и увидели на лестничной площадке, у барьера, мальчишку лет восьми с консервной банкой и соломинкой в руках.

– Мальчик! Павлова здесь живет? – спросила Шурка.

– Павлова? – переспросил мальчик.

– Елизавета Петровна, – сказал Алексей.

– Елизавета Петровна! – Мальчик указал рукой на площадку выше: – Там они живут.

Алексей и Шурка поднялись, позвонили.

– Стучать надо, – сказал снизу мальчик.

Алексей постучал.

За дверью послышались шаги. Им открыла дверь женщина в халате. Ей было лет тридцать.

– Нам Елизавету Петровну, – сказал Алексей.

– Пожалуйста. Это я, – ответила она, вежливо улыбаясь. – А вы, вероятно... – Она вопросительно посмотрела на Алексея.

– Я с фронта. Вам посылку привез.

– А! – В улыбке женщины видна растерянность. – Это, вероятно... от Павлова?

– Да.

– Заходите, пожалуйста. Одну минуточку...

Вслед за женщиной они входят в комнату.

– Извините, я сейчас, – говорит женщина и, выходя в соседнюю комнату, как бы невзначай снимает со спинки стула

и уносит с собой защитного цвета полукитель.

Алексей и Щурка осматриваются. Комната обжита, в ней не стильная, но хорошая мебель. На столе – хлеб, сахар, колбаса. Видно, что живут здесь по военному времени богато.

Из соседней комнаты доносится тихий, взволнованный разговор.

– В чем дело? – возмущается мужской баритон. – По крайней мере он будет знать правду!

– Я умоляю тебя... – просит шепотом женщина.

Щурка и Алексей молча переглянулись.

Привычно улыбаясь, женщина выходит к ним.

– Вы извините меня, пожалуйста! Это так неожиданно...

Так вы с фронта?

– С фронта! – отвечает Алексей громко. – Я от вашего мужа. Просил передать вам вот это! – Он вынимает из вещевого мешка два куска мыла и кладет их на стол. На лице женщины удивленная улыбка.

– Что это?

– Мыло.

– Ах, мыло... Спасибо! Большое спасибо! Может быть, чайку хотите?

– Нет. Мы пойдем.

– Почему же?

– Времени нет, – говорит Алексей.

Женщина опускает глаза.

Алексей и Щурка выходят из комнаты. Женщина прово-

жает их. В передней, открывая дверь, она тихо спрашивает Алексея:

– Скажите, как он там?

– Павлов? Ничего. Здоров. Беспокоился о вас...

– Спасибо... – тихо говорит женщина и, пропустив Шурку, вдруг хватает Алексея за руку. – Не говорите ему о том, что видели. – Алексей в упор смотрит на нее. – А впрочем... – опускает глаза женщина, – лучше правда... Не смотрите так на меня! Боже мой, как это тяжело! – Она смотрит на Алексея, ища в нем сочувствия.

Ничего не ответив ей, Алексей выходит.

Женщина, помедлив, захлопывает за ним дверь.

Шурка и Алексей спускаются по лестнице, проходят мимо мальчика, по-прежнему пускающего мыльные пузыри, останавливаются, следят за полетом большого нарядного пузыря. Алексей смотрит на часы.

– Пойдем, Алеша, а то опоздаем! – говорит Шурка.

Но он, стукнув вдруг кулаком о перила, бросается вверх.

Мальчик испуган.

Перепрыгивая через несколько ступенек, Алексей подбегает к двери и стучит кулаком. Ответа нет. Он стучит еще сильнее. Ему открывают дверь небольшого роста мужчина в комнатных туфлях и подтяжках и растерянная Павлова. Алексей тяжело дышит. Оттолкнув мужчину, он решительно заходит в комнату, берет со стола злополучную посылку и, бросив недобрый взгляд на женщину, выходит через рас-

крытые двери. В тишине громко стучат его сапоги.

Схватив за руку Шурку, он говорит:

– Пойдем на завод!

– Что ты, Алеша? – пугается девушка.

– Пойдем! – властно говорит Алексей, и они бегут вниз по лестнице.

Большой и шумный цех завода, недавно пострадавшего от бомбежки. Пока одни рабочие заделывают обвалившуюся стену и потолок, в уцелевшей части цеха не прекращается работа.

И тут же, несмотря на шум, спят, выбрав укромное местечко, несколько рабочих.

Алексей и Шурка растерялись от грохота, искр и шума. Они смущены вниманием, которое на них обращают рабочие.

Между станков их ведет девушка-комсомолка в ватной телогрейке.

– Где Павлов? – спрашивает она встречающих. – Павлова не видали?

– Нет.

Они идут в конец цеха.

– Бригадира нет? – спрашивает девушка.

– Он, наверно, отдыхает после смены, – отвечают ей.

...Они проходят в соседний цех. Здесь, в небольшой выгородке, прямо на полу, несмотря на шум и грохот, вповалку

спят рабочие.

– Так и есть – здесь он! – говорит девушка, взглядевшись в спящих. – Шестые сутки из цеха не выходим – сдаем срочный заказ фронту... – Она улыбнулась. – А потом опять срочный заказ.

Девушка подходит к одному из спящих, наклоняется к нему.

– Павлов! Товарищ Павлов! Проснитесь!

Павлов с трудом просыпается, садится. Сонно смотрит на Алексея и Шурку. Он оказывается молодым парнем, того же возраста, что и Алексей. И они даже чем-то похожи друг на друга – этот рабочий и солдат.

– К вам с фронта, товарищ Павлов! – говорит девушка.

– Ко мне? – удивился тот. – Слушаю вас.

– Нет, нам не этого! – говорит Шурка. – Нам бригадира.

– Ну, я бригадир. В чем дело? – недовольно говорит Павлов.

– Нам нужно Павлова, у которого сын на фронте, – говорит Алексей.

– У нас три таких Павлова. А в чем дело?

– Я ему привез с фронта посылочку. Хочу передать.

– А как сына-то зовут?

– Сергеем, кажется...

– Серега!.. – обрадовался бригадир. – Небольшой такой, глазастый?

– Да, да!

– Это Василия Егоровича сын! Жив?

– Жив.

– А Василия Егоровича нет. Он болен.

– Жалко... – вздыхает Алексей. – А можно ему посылочку передать? Может, кто к нему ходит? – Алексей оглядывает столпившихся вокруг женщин.

– Что вы! Это надо лично! – говорит одна из них.

– Ведь радость-то какая! – заговорили все. – Вы сами идите!

– Я бы с удовольствием!

– Он на поезд опаздывает! – вступает в разговор Шурка.

Но рабочие, окружившие их, не унимаются.

– Разве можно?! – говорит полная женщина в промасленной телогрейке. – Всего несколько минут, а человеку такая радость!

– А далеко?

– Да нет! В педагогическом институте. Там разбомбленных разместили. Поезжайте! Вам Митя покажет. – И женщина побежала к станку, у которого на ящике, по причине малого роста, стоял паренек. Она стащила его с ящика и подвела к Алексею: – Вот он вам покажет, а я за него у станка постою. Разреши, бригадир?

Бригадир согласился.

Шурка тревожно посмотрела на Алексея. Тот развел руками.

– Пойдем, Шура.

Паренек, который провожал их, оказался очень вежливым. При посадке в трамвай он пропустил вперед Шурку и Алексея. Потом его оттерли, и, когда трамвай тронулся, паренек остался на остановке. Но ему было не больше пятнадцати лет, и это решило дело. Паренек побежал за трамваем и, догнав его, быстро вскочил на «колбасу».

Шурка и Алексей видели это с задней площадки. И пока они ехали, через стекло им улыбалось добродушное, перемазанное маслом лицо.

Шурка и Алексей смотрели на полуразрушенный войной город.

– Смотри, – говорит Алексей. – Вот там был театр. Я в нем раз десять бывал. Как приедем со школой, так в театр. А там, видишь, белое здание? За ним техникум – металлургический. Я хотел пойти в него, потом передумал. Пойду в строительный. А может быть, в другой какой. Я еще не решил.

Из-за стекла паренек прокричал им что-то. Заулыбался и показал знаками, что пора сходить.

Шурка и Алексей протиснулись к выходу.

В сопровождении парнишки-рабочего они поднимаются по лестнице института. На площадке их остановила пожилая женщина в синем халате.

– Тише! Вы куда? – спросила она шепотом.

– Мы к размещенным. Вот, товарищ с фронта!

– Туда через котельную надо идти, занимаются здесь... – сказала женщина. И действительно, из коридора сюда доносился мерный голос лектора. – А то подождите, через три минуты будет звонок.

Мальчишка вопросительно посмотрел на Алексея.

– Подождем, – согласился Алексей.

Мальчишка кивнул.

На цыпочках они пошли по коридору.

Там, где коридор поворачивал под прямым углом, виднелся кусок доски. Они подошли ближе и увидели лектора – небольшого седенького старичка в темном костюме и в валенках, несмотря на осеннее время. Слушатели сидели прямо на полу, но от этого лекция не переставала быть лекцией.

– Это физики-механики, – шепчет паренек. – Ихний институт разбомбили, так они тоже здесь занимаются.

Алексей приложил палец к губам.

Раздался звонок.

Студенты, поднявшись, толпой окружили преподавателя.

Алексей и Шурка тихо прошли мимо вслед за пареньком к массивным дверям и отворили их.

Это был физкультурный зал института со всеми его атрибутами: шведской стенкой, кольцами, свисающими с потолка, козлами, турником и т. д.

Как на вокзале, на полу и на койках, поставленных вдоль

стены, сидели и лежали люди.

Кто занимался, разложив на кровати книги и тетради.

Кто варил на примусе, поставленном на табуретку, обед. Слышался тихий плач грудного ребенка.

И, несмотря на то что все были заняты своим делом, появление в общежитии Алексея не осталось незамеченным. Алексей остановился в дверях, и через несколько мгновений почти весь зал смотрел на него с надеждой и испугом. Это был солдат, человек с фронта. Он мог быть чьим-то сыном, мог быть вестником радости или горя.

– Вы к кому? – спросила женщина, стоявшая ближе других.

– Мы к Павлову, к Василию Егоровичу.

– Это ко мне... Это от Сережи! – послышался из глубины старческий голос.

Алексей и Шурка увидели старика, который пытался подняться с кровати. Какая-то девочка бросилась к нему:

– Что вы, дедушка! Вам нельзя.

– Это от Сережи! Что с ним? – не слушая ее, повторял старик.

Алексей поспешил к его кровати.

– Не волнуйтесь! Все хорошо. Я от Сергея. Вот... Он прислал вам посылку.

Когда Алексей извлек из своего мешка посылку, все стоявшие вокруг ахнули от восхищения.

– Мыло! – радостно вскрикнула девочка. – Смотрите! Два

куска!

Но старик, казалось, не понимал, что происходит.

– Он жив? – спрашивал он, глядя на Алексея.

– Конечно, жив! – закричала девочка и в доказательство вложила ему в руку посылку.

– Жив... – повторил старик, ощутив в руках мыло, и губы его задрожали. Прошло несколько мгновений, пока старик справился с этой дрожью. – Значит, жив... – повторил он с облегчением. – Спасибо! А это от него, значит, посылка...

– Дедушка, вы ложитесь. Вам же нельзя! – сказала девочка.

– Он не ранен? – спросил старик.

– Нет, совершенно здоров.

– Садитесь, пожалуйста. Расскажите, как он там...

Алексей растерянно посмотрел на Шурку. Он не знал, что говорить.

Шурка не могла ничего подсказать ему.

– Ну, воюет он, в общем, хорошо... – начал Алексей. – Даже можно сказать – отлично. Товарищи его уважают... за смелость. Он смелый человек. Командир так прямо и говорит: «Берите пример с Павлова – и боец стойкий, и товарища не выдаст». У нас в полку его все любят...

– Да, да... Его и мальчишкой все любили, – подтвердил старик. Он посмотрел вокруг, делаясь с присутствующими своим счастьем. – Анна Андреевна... Слышишь? Сын-то! – Он растроганно покачал головой.

Соседка закивала ему сквозь слезы.

– Садитесь. Выпейте чайку! – пригласила девочка, прибежав откуда-то с чайником. – Вы ведь с дороги.

– Нет, спасибо! Мы пойдем!

– Он на поезд опаздывает! – снова вставила Шурка. – Вы извините, пожалуйста. Ему очень-очень нужно ехать!

– Понимаю. Дело военное... – устало сказал старик. Он опять приподнялся. – Передайте Сереже, что я доволен им! Что живем мы хорошо. – Он повел рукой вокруг. – Об этом не говорите. Это все временно. Пусть он будет спокоен. Скажите еще... Лиза, жена его... работает. Шлет привет. Ждет.

Алексей видел, как трудно было старику произнести последние слова и как закусила губу девочка.

– Скажу, – пообещал Алексей.

Привокзальный парк. Алексей и Шурка снова идут по его пустынной аллее. Останавливаются у знакомой скамьи.

– Алеша... – говорит ему девушка и, вдруг положив голову ему на грудь, начинает горько плакать.

Алексей молча гладит ее голову.

Станция. Снова шум и суетня посадки. Алексей протискивается в вагон и тянет за собой Шурку.

Ей преграждает путь проводница:

– А вы куда? Вагон военный.

– Она со мной! – кричит со ступенек Алексей и тянет

Шурку к себе.

– Жена, что ли?

– Да! – отвечает Алексей.

– Нет! – говорит одновременно с ним Шурка.

Проводница бесцеремонно отталкивает ее от вагона.

– Она со мной!

– Договорись сперва, а потом тащи.

– Не задерживай! – зашумел кто-то сзади.

Какой-то тучный военный оттеснил Алексея в вагон. Кто-то полез вслед за ним, волоча за собой объемистые чемоданы. Какая-то женщина пыталась втиснуться в вагон. Проводница не пускала и ее.

Шурка умоляющим взглядом смотрела на проводницу. Но занятая своим нелегким делом проводница не замечала этого взгляда.

Алексей рванулся к выходу. Спрыгнул с подножки.

– Что ж ты, трудно тебе было сказать! – упрекает он девушку.

Шурка виновато улыбнулась.

– И правда глупо. Я совсем растерялась. Алеша! – вдруг горячо заговорила она. – Поезжай один. И так ты еще полдня потерял! А я доберусь – здесь близко. Поезжай, Алеша, милый! Поезжай!

– Постой, Шура... – прервал ее Алексей, соображая что-то. Вдруг он улыбнулся. – Ты знаешь, что такое маскировка номер три? – весело спросил он.

– Номер три? – удивилась Шурка. – Не знаю.

– Сейчас узнаешь!

Алексей решительно снимает с себя скатку и, развернув ее, отдает Шурке китель:

– Надевай!

– Зачем?

– Надевай быстро! Теперь пилотку. Пошли!

Девушка, одетая в шинель Алексея, выглядела очень беспомощно. Путаясь в полах, она побежала за ним к другому вагону, с большим открытым тамбуром.

Пробиваясь к двери, они потеряли друг друга.

На ступеньках вагона она обернулась, ища глазами Алексея.

– Не задерживайте! – сказала ей проводница.

– Что? – Девушка испуганно посмотрела на нее.

– Не задерживайте, проходите в вагон!

Подоспевший Алексей вклинился между Шуркой и проводницей. Сунул в руки проводнице свой билет. Полез в вагон. Он уже был в тамбуре, а девушка все еще топталась на ступеньках.

– Ну чего же ты? – с досадой позвал он, протягивая к ней руку.

– На шинель наступили! Не могу вытащить, – сказала она жалобно.

Протолкавшись к девушке, Алексей помог ей освободить шинель, и они вместе вошли в тамбур.

– Вот здорово! – радостно говорит Шурка. – А похожа я на военную? Да?

– Похожа, – улыбнулся Алексей. – Никто даже не заметил.

– И билет никто не спросил.

Вокруг шумели, толкались пассажиры.

Шурка сняла с себя пилотку и надела на голову Алексею.

Шинель в этой тесноте снять было невозможно.

– Ну вот, скоро ты будешь на месте, – улыбнулся Алексей.

– На месте... – грустно повторила она и вздохнула.

Он заметил эту грусть и стал тоже серьезным.

– Ничего! – сказал он бодрым голосом и попытался улыбнуться. – Все, я думаю, будет хорошо. Ты не волнуйся за него. Поправится.

Она грустно улыбнулась, покачала головой.

– Знаешь, Алеша, я никогда не встречала такого парня, как ты.

И вот они снова в пути. Открытый тамбур вагона, каких теперь уже не делают и какие были редки даже в войну, набит до отказа пассажирами. Шум колес. Ветер. Давка. Их прижали друг к другу. Они пробуют говорить, но шум забивает голоса.

Они взволнованы близостью. То рука коснется руки, то Шурка спрячет от ветра свою голову на его плече. Они вместе. И от этого исчезают и шум, и толкотня, и споры пассажиров...

Ветер проносит мимо них клубы паровозного дыма, и кажется, что это облака проносятся мимо них. Исчезает и перестает существовать все... Существуют глаза, которые смотрят в глаза... Существуют ее губы, ее шея, ее развевающиеся от ветра волосы...

Их взгляды говорят. Что говорят! Они поют... Поют древнюю и вечно новую песню, прозванную людьми Песней песен.

Но вот в мелодию этой песни врывается далекий паровозный гудок, потом скрип тормозов, и песня заглушается шумами прозаической жизни.

...Они уже на земле. У Алексея на руке – его шинель. Они стоят на перроне возле вагона. Прощаются.

– Вот и все, Алеша, – говорит она.

– Да... Не забывайте меня, Шура.

– Не забуду.

И они смотрят прощальным взглядом друг на друга.

– Алеша!..

– Что?

– Знаете что? Только вы не сердитесь. Я ведь вас обманула.

– Как – обманула?

– Никакого у меня жениха нет. И вообще никого-никого. Я к тетке еду. – Она подняла на него глаза. – Не сердитесь, Алеша. Я глупая, правда?

Он смотрит на нее, но не совсем понимает, о чем она го-

ворит.

– Но... зачем ты?... – спрашивает он.

– Я боялась тебя, – говорит она, опустив голову.

– А теперь?

Она смотрит ему в лицо и отрицательно качает головой.

Паровозный свисток и лязганье вагонов прерывают их молчание. Они оба вздрогнули, очнулись... Шурка побежала за тронувшимся вагоном.

– Скорей! Скорей, Алеша! Уйдет!

Она, суетясь, на ходу подталкивала его в спину, помогая втиснуться в переполненный тамбур.

Кто-то смеялся, кто-то кричал провожающим последние ненужные слова, кто-то размахивал руками.

Пожилые муж и жена наблюдали, как Шурка прощалась с Алексеем.

Алексей повернулся и закричал:

– Шура! Шура! Пиши... Сосновка!..

Шурка тоже что-то кричала и показывала жестами, что не расслышала его слов.

– Сосновка!.. Полевая почта... – Дальше за грохотом поезда не разобрать.

...Шурка грустно смотрела вслед уходящему поезду. Она не видела Алексея и все-таки махала ему рукой.

Мчится поезд. Стоя между переругивающимися супругами, смотрит назад Алексей. Вот уже не видно станции.

– Я ждала, – говорит мужу жена.

– «Ждала»! Дело надо делать, а не ждать.

– Я так волновалась!

– Подумаешь, гимназистка – «волновалась»!

Грохот встречного поезда заглушает их спор. Алексей смотрит, как быстро удаляется от их состава встречный. Он уходит к Шурке.

Дробно перестукивают колеса.

А вверху – птица. Она делает круг в небе и быстро летит прочь. Она летит к Шурке. Стучат колеса, грохочет поезд.

А перед глазами Алексея – Шурка.

...Вот она моет под колонкой свои стройные ноги...

...Вот она угощает его бутербродами...

... Вот она смотрит на него, прощаясь на станции. И теперь она говорит ему: «Алеша, ведь когда я сказала тебе, что у меня никого нет, – это я тебе призналась в любви... А почему ты мне ничего не ответил, Алеша?»

...Алеша поворачивается и, расталкивая пассажиров, пробирается к выходу. Вот он уже на подножке.

Кто-то схватил его за гимнастерку. Он с силой рванулся, бросил вещи и сам кинулся вниз.

Крик женщины.

Удар о землю. Алексей покатился по откосу.

Смотрят с поезда пассажиры.

Он быстро поднимается на ноги, хватая вещи и бежит в сторону станции.

Смотрит пожилая женщина. Она грустно улыбается.

– Любит, – вздохнув, говорит она.

Смотрит прозаический ее супруг и коротко резюмирует:

– Дурак.

...Алексей бежит по дороге... едет в какой-то машине, прыгает с нее на ходу... Снова бежит по путям, через рельсы.

...Он на станции. Мечется среди толпы, ходит по залам, смотрит у кассы, но Шурки нигде нет.

– Бабуся! Не видели девушку в синей кофточке?

– Нет, сынок.

...У регулировочного пункта на шоссеной дороге люди с мешками, чемоданами, детьми усаживаются в кузов большого грузовика. Суется люди. Среди них – Алексей. Он ищет свою Шурку, но ее нет.

– Товарищ регулировщик, вы не видали тут девушку в синей кофточке?

– А шут ее знает! Стар я за девочками смотреть.

...Вечереет. Так и не найдя Шурки, Алексей возвращается на станцию. Только сейчас он оценил свою потерю. Он медленно идет через суесящуюся толпу.

Алексей – в поезде, один, без Шурки.

Сидит задумавшись, прислушивается к мерному стуку колес. За окном грустные вечерние сумерки. В тесном купе притихли пассажиры. Может быть, сумерки действуют так

на людей, может быть, перестук колес. Даже дети притихли. Только редкий вздох нарушает молчание.

Напротив Алексея сидит черноокая дивчина в цветастом платке. Рядом с ним, оперевшись на суковатую палку, склонив красивую седую голову, сидит старик. В его лице с небольшими умными глазами, в плотно сжатых губах, во всем его облике – мудрое мужское раздумье.

Черноглазая девушка смотрит на Алексея и вдруг спрашивает его на певучем украинском языке:

– А вы, товарищ, далеко йидэтэ?

– В Сосновку, – отвечает Алексей, – тут совсем близко. Скоро будет мост, а там – километров десять.

– А мы з Украины, – говорит девушка.

Алексей смотрит на нее, на старика, на пригорюнившуюся старую женщину. Ему понятна их грусть, и он сочувственно кивает девушке, как бы говоря: «Да, понимаю. Далеко вас занесла война».

– Ох-хо-хо! – вздохнула старая женщина. – Летим, як птици в осени, сами не знаем куда.

Старик сделал нетерпеливое движение.

– Пустые слова, – сказал он, не меняя позы. – На Урал йидэмо. Там наш завод... Сыны наши, – добавил он твердо.

Женщина замолчала.

Перестукивали колеса. Тихо поскрипывали переборки. Среди этих привычных шумов послышался какой-то тревожный отдаленный гул.

– Что это? – спросила девушка.

Гул повторился.

Все почему-то посмотрели вверх и в окно.

Побледнела женщина, держащая на руках спящего младенца. Все прислушивались. Было тихо. Постепенно все успокоились.

Алексей вынул кисет с табаком. Закуривая, предложил старику:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – вежливо, с достоинством поблагодарил тот. И, взяв из кисета махорки, признался с улыбкой, с украинским акцентом выговаривая русские слова:

– Откровенно признаться, соскучился по табачку.

Закурили.

– А сами ж вы с каких мест? – спросил старик.

– Здешний я. В Сосновке родился. Выдался случай мать повидать.

– Домой, значит?

– Да.

– Надолго?

Алексей грустно улыбнулся:

– Было время, а теперь... на рассвете поеду обратно.

– Ох, лихо-лихо! – сочувственно вздохнула женщина.

Старик покосился на нее. Сказал Алексею:

– Целую ночь в родном доме... То великое счастье!

– А потом на фронт? – спросила дивчина.

– Да.

– И девушка ж у вас есть?

Алексей помолчал.

– Есть... Только она не в Сосновке... Потерял я ее, – признался он и тотчас же горячо добавил: – Но я ее все равно разыщу! Всю землю переверну, а ее разыщу!

Старик улыбнулся:

– Правильно, хлопче, любовь того стоит... У тебя есть специальность?

– Еще нет... Приду домой – буду учиться. А пока одна специальность – солдат.

– Солдат не специальность, сынку, солдат – это должность на земле, – сказал старик и задумался.

Быстро шел поезд. Стучали колеса. За окном в сумерках проплывала земля, мелькали телеграфные столбы.

Алексей волновался.

– Скоро мой дом, – сказал он, вздохнув.

– А наши хаты все дальше и дальше... – как эхо ответил ему голос женщины. Раздались протяжные гудки – один, другой.

Вагон вздрогнул. Заскрежетали тормоза. Алексей бросился к окну, но там ничего не было видно.

На пути, освещенный неровным пламенем костра, стоит человек. В его поднятой руке горит, наподобие факела, вынутая из костра головня.

Поезд тормозит и останавливается. Со ступенек вагона со-

скакивают люди и бегут вперед. Человек опускает руку с факелом и, пошатнувшись, садится на землю.

Зажегся и тотчас же потух мощный паровозный прожектор, вырвав на мгновение из темноты изогнутые, порванные фермы разрушенного моста.

Несколько человек нагнулись над сидящим. Он что-то сказал им, и они бросились тушить костер, тревожно поглядывая в темное небо. Человека подняли и понесли в вагон. Он был ранен и тихо стонал.

Алексей с тоской посмотрел вдаль, за мерцающую в темноте реку. Там лежало село. Он оглянулся. У паровоза суетились люди. Алексей подумал и, решившись, побежал к реке.

...Обломки нескольких бревен служат ему плотом. Доска – веслом. Он уверенно гребет ею, отдаляясь от берега. Плещется под плотом вода.

Вот и середина реки. Гребет Алексей.

Со стороны эшелона до него доносятся тревожные крики. Он перестает грести, прислушивается и с тревогой смотрит вверх. Оттуда слышится неровный зловеющий гул.

Алексей взмахивает веслом и начинает грести быстрее. Страшный, выворачивающий душу вой разрывает тишину, затем взрывы – один, другой, третий...

Алексей обернулся. В вспышках взрыва метались фигурки людей.

Эшелон полыхнул пламенем. Огненные блики змеями за-

ходили по реке...

– Гады! – задыхаясь, закричал Алексей в темное небо. – Гады! Гады!

Схватив доску, он стал лихорадочно грести назад, туда, где, заглушая вопли людей, рвались бомбы. Он был солдат, а там погибали люди.

...Он причалил к берегу. Бросился в гущу разрывов и стонов.

...Он метался среди пожарища.

...Вместе с другими отталкивал от состава горящие вагоны.

...Вытаскивал из-под обломков раненых.

...Он перевязывал.

...Успокаивал.

...Он выносил из огня людей.

Так среди взрывов и стонов, смерти и человеческого горя прошла эта ночь...

Вот и заря. Светлеет небо. Тишина. Еле заметный ветерок чуть шевелит листья на деревьях. Тихо и торжественно несет свои воды река. И только фермы моста, вырванные из живого тела земли, разрушенный эшелон и догорающие вагоны напоминают о трагедии ночи.

Сидят и стоят над убитыми живые. Не голосят, не причитают. Нет больше ни сил, ни слез.

Спят и вздрагивают во сне уснувшие под утро дети.

А на руках молодой матери шевелится уцелевший комочек жизни. Он не спит, он деловито и жадно сосет обнаженную грудь.

Жизнь продолжается. Светлеет небо.

Утомленный, сидит на бревне Алексей. Лицо его перемазано. Рука в крови. Рассвет – кончился его отпуск. Он устало достает из кармана кисет, шарит в нем. Кисет пуст. Кончился табак.

С прибывшего эшелона спешат к месту происшествия люди.

* * *

...Санитары перевязывают раненых. Уносят их к эшелону на носилках. Алексей все еще сидит на том же месте. Ему вместе с этим эшелоном в обратный путь.

– А ну, посторонись, солдат, не мешай... – говорит ему какой-то санитар. Алексей встает, уступая дорогу носилкам, отходит в сторону.

Но и здесь он мешает озабоченным, делающим свое дело людям.

– Ну, чего стал? Посторонись!

Алексей послушно отходит в сторону. Мимо него гурьбой, почему-то очень торопясь, бегут к вагонам измученные страшной ночью люди, волоча за руки сонных, перепуганных

детей.

Недалеко от Алексея большая группа пассажиров осаждает человека в шинели без погон. Все говорят наперебой:

– Товарищ, а меня почему?

– Товарищ начальник, как же мы? Мы не можем здесь оставаться!

– Товарищи! Я уже говорил... Сейчас повезем только раненых и пострадавших женщин и детей. Все остальные останутся здесь и будут ждать возвращения эшелона. Он возвратится ровно через два часа!

Алексей быстро повернулся к говорившему и как бы очнулся от сна.

– Два часа! – слабо вскрикнул он и бегом бросился к реке.

...Вот он нетерпеливо прыгает с плота в воду и взбирается на крутой берег.

...Задыхаясь, подбегает к шоссе. Поднимает вверх обе руки.

Мимо него с шумом проносятся машины.

Алексей выбегает на середину шоссе.

Очередная машина с визгом останавливается перед его грудью.

– Ты что, очумел?! – высунувшись, кричит солдат-шофер. – Жизнь надоела?

Алексей прыгает на подножку.

– Друг! Подбрось до Сосновки, тут всего десяток километров в сторону.

– Не могу! – кричит шофер.

– Ты пойми! Я с фронта! Мне сейчас же обратно! Только обниму мать, и все!

– А мне за тебя на «губу»?! Слазь!

– Черт с тобой, шкура! – зло крикнул Алексей, соскочил с подножки и побежал по целине.

Шофер посмотрел ему вслед и поехал своей дорогой.

Бежит Алексей.

Вдруг машина остановилась, постояла и, круто развернувшись, поехала вслед за ним по целине. Раскачиваясь и подпрыгивая на кочках, она догнала Алексея и некоторое время ехала с ним рядом. Шофер переругивался на ходу с Алексеем. Потом Алексей забрался в кузов, и машина понеслась вперед по проселочной дороге, веером подымая в лужах воду.

...За холмом показались крыши деревни.

...Вот и Сосновка.

На краю села, у амбара, работают женщины. Увидев машину, они прекращают работу, всматриваются.

– Никак наш, сосновский...

– Эй, Груня, не твой ли?

Машина пролетает мимо.

– Не мой... – грустно отвечает женщина.

– Бабы, да это ж Катеринин Алешка!

– И правда он!

– А Катерина-то в поле!

Засуетились женщины, и какая-то молодайка, кинув лопату, побежала по дороге, уходящей в поля.

А машина въезжает в село. Тормозит у дома. Алексей подбегает к дверям. Но они заперты на замок. Алексей бросился к соседнему дому. Стучит в дверь и, не дождавшись ответа, входит. В полутемных сенях сталкивается с молоденькой девушкой, которая молча пятится назад, в светлую горницу. Алексей идет за ней.

– Приехали, Алексей Николаевич... – говорит она тихо.

– Зойка? Да тебя и не узнать!

Она потупилась в смущении.

– Мать моя где, не знаешь?

– Она в поле, картошку убирает. Вы садитесь пока... Отдохните с дороги, чайку попейте. Тетя Катя придет, – говорит девушка обрадованно и смущенно.

– Что ты! Я ведь сейчас уезжаю!

– Как – сейчас?!

– Сейчас... Сию минуту!

Девушка удивленно смотрит на Алексея:

– А как же тетя Катя?

Через поле к селу бежит тетя Катя. Она бежит через кустарники, по пахоте, перепрыгивает через канавы, не замечая усталости, не чувствуя возраста.

Лицо ее взволнованно и прекрасно... Она бежит к сыну.

А сын в это время сбегает со ступенек соседского крыльца, подходит к машине.

– Нету ее... Поедем в поле.

– Не могу, – тихо отвечает шофер.

– Мы назад не будем возвращаться.

– Она здесь недалеко! – уговаривает шофера девушка.

– Не миновать мне «губы»! – махнул рукой шофер. – Ладно!

Девушка не сводит глаз с Алексея. Машина трогается.

...В это время с другого конца деревни вбегает мать. Грустно смотрит девушка вслед уходящей машине и вдруг замечает бегущую женщину.

– Стойте! – кричит она и бросается вслед за машиной.

Алексей замечает девушку. Она показывает рукой в сторону матери. Он хватается шофера за руку. Машина тормозит. Алексей на ходу соскакивает и бежит по длинной прямой деревенской улице навстречу матери.

Бегут навстречу мать и сын. Посреди деревни они встречаются.

Объятия. Они стоят так, задыхаясь от бега, счастья и волнения, не в силах вымолвить слово.

И сразу невесть откуда появляются односельчане. Они кольцом сходятся вокруг. Кое-кто из женщин утирает слезы. Другие приветствуют Алексея, засыпают его вопросами:

– С приездом!

– А Ивана на фронте не видел?

– Здравствуйте, Алеша!

– Насчет конца войны там не слышно?

Мать суетится около сына. Стремится оградить его от вопросов.

– Приехал... Сыночек мой! Порадовал мать, – говорит она, утирая слезы. – А я-то ждала... Все думала, гадала...

– Как вы живете, мама?

– Как живу? Как все живут... Войну переживаю. Работа тяжелая, а мужиков нет. Все бабы, все бабы... Погляди-ка, вон они все. Ну что вы пристали к человеку? С дороги он! Пойдем в избу, Алеша. Поешь, отдохнешь с дороги. Пойдем! – Она, суетясь, забегаёт вперед, чтобы вести его в дом.

– Вы погодите, мама. Не надо... Я тороплюсь.

– Куда торопишься?

– Дальше ехать. Я ведь проездом. Только на минуту.

– Как же, сыночек... Не пойму я.

– Я должен ехать. Сейчас. Давайте лучше поговорим.

Все сразу притихли.

Мать, поняв наконец страшный для нее смысл этих слов, подходит к сыну и останавливается около него.

Долгая пауза.

Она смотрит ему в лицо и молчит.

Он тоже молчит.

Вокруг застыли односельчане.

Доносится протяжный сигнал машины. Алексей вздыха-

ет. Достает из мешка свой подарок, отдает матери.

– Крышу хотел починить...

Мать кивает, в глазах появляются слезы.

– Вырос-то как... Похудел. – Она ласково проводит рукой по его голове.

– Это с дороги. А вы, мама, не болеете?

– Нет, – улыбается она. – Некогда нынче болеть.

Снова сигнал машины.

– Мне пора, мама... – Алексей обнимает мать.

Она вцепилась в него, как будто хочет удержать. Плачет.

– Алеша, сынок... Алешенька!

– Простите, мама, – говорит он вдруг.

– За что же, Алеша?

– Простите, мама... – повторяет он и прячет на ее груди голову.

– Что ты?! Алеша, сынок! Ты не думай... Я все выдюжу, все перенесу, а тебя дождусь! Отца не дождалась, а тебя дождусь!

Сигнал повторяется настойчиво и тревожно. Алексей осторожно разнимает руки матери и идет сквозь толпу.

– Ивана... Ивана на фронте не встречал? – снова спрашивает голос.

Гудит машина.

Алексей еще раз целует мать и, рассеянно пожав несколько протянутых рук, бросается к машине... Машина трогается.

– Я вернусь, мама! – кричит Алексей. Односельчане машут ему вслед. Полными слез глазами, не в силах поднять ослабевшие руки, смотрит мать. А машина уходит все дальше и дальше.

– ВОТ И ВСЕ, ЧТО МЫ ХОТЕЛИ РАССКАЗАТЬ О НАШЕМ ДРУГЕ АЛЕШЕ СКВОРЦОВЕ, – говорит диктор, пока машина скрывается за далеким бугром. – ОН СМОГ БЫ СТАТЬ ХОРОШИМ ОТЦОМ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ГРАЖДАНИНОМ. ОН МОГ БЫ СТАТЬ РАБОЧИМ, ИНЖЕНЕРОМ, УЧЕНЫМ. ОН МОГ БЫ ВЫРАЩИВАТЬ ХЛЕБ И УКРАШАТЬ ЗЕМЛЮ САДАМИ. НО ОН УСПЕЛ СТАТЬ ТОЛЬКО СОЛДАТОМ. ИМ ОН И ОСТАНЕТСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ НАВЕЧНО.

В. Ежов, А. Михалков- Кончаловский Сибиряда

Часть первая Проклятая земля

Кинохроника. Фотодокументы.

Холмистые равнины Америки. Здесь при бурении водяного колодца ударил первый фонтан нефти.

Довольные, измазанные нефтью лица американских фермеров.

Тонна нефти стоила сотни долларов.

Сюда приехал молодой священник.

Девятнадцатилетний юноша с Библией стоит около дилижанса.

Через пятнадцать лет он стал одним из богатейших людей мира, хозяином и основателем нефтяной компании «Стандард ойл».

Его имя Джон Дэвисон Рокфеллер!

Новый век. Фантастический. Неизвестный. Полный надежд.

Революция и техника. Революция в науке. Революция в модах. Социальная революция.

Поезда движутся все быстрее. Воздушные шары поднимаются все выше.

Аэропланы – этот странный аттракцион – взлетали, летали и падали на землю.

Традиция веков – коронованные особы.

Электричество. Свет. Телефон. Телеграф. Кинематограф.

Ромен Роллан.

Лев Толстой.

Бернард Шоу.

Промышленные города Америки.

Новое топливо – нефть, жидкий уголь. Вышки, вышки. В Америке, в Европе – по всему миру.

Большая часть добываемой нефти принадлежала компании «Стандард ойл» и ее хозяевам.

Вот они, Джон Дэвисон Рокфеллер и сыновья, – веселые, раскрасневшиеся после игры в теннис.

Голод в Индии. Тысячи трупов по берегу Ганга.

Всемирная выставка в Париже.

Великая русская река Волга.

Предприятия Путиловых – молодой капитализм в России.

Лапотники, старая крестьянская Русь у заводских ворот.

Ночлежки, нищета и гной.

Студенты – традиционные бунтари, далекие, заоблачные идеалы.

Жандармы – традиционная фигура в российском пейзаже. Богатая, обильная страна дремала, ждала своего часа.

Начало XX века

Тобольская каторжная тюрьма. Сырое мрачное стойло для людей.

По коридору тюрьмы шел надзиратель. Остановился, крикнул в глазок камеры:

– Политический заключенный Родион Климентов!.. На выход!

В камере с пола поднялся один из заключенных. И хотя каторжная одежда равняла всех, в нем по обличию можно было угадать городского мастерового человека. Он постоял малость, внутренне к чему-то готовясь, оглядел товарищей.

– Что ж... Попрощаемся, братцы, на всякий случай...

Попрощались. Молча.

Надзиратель запер дверь камеры, повел Родиона по коридору.

На заснеженном поле, окруженном лесом, неподалеку от реки стояло странное сооружение: помесь лодки с санями, какие-то рычаги, рулевое управление и огромный парус, сшитый из полосатой матрасной материи. Около лодки-саней толпился народ из разной тюремной начальственной сволочи: надзиратели, стражники, жандармы. Чуть по-

одаль стоял сам начальник тобольской каторги, жандармский полковник, а рядом с ним его дочка, толстенная, хорошенькая булка в нарядной меховой шубке. Она все время прыгала на месте, беспрестанно повторяя:

– Ну, папочка, папочка!.. Ну, скорее!.. Я хочу кататься! Я хочу кататься!

Сюда стражники подвели Родиона Климентова. Полковник строго посмотрел на него:

– Готов?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Приступай.

Девочка завизжала от восторга, бросилась к лодке-саням, уселась там.

От сизых рож тюремщиков валил пар. Мороз, как и полагалось в ту пору, был нешуточный, сибирский.

Родион, одетый в тюремную куртку с двумя желтыми бубновыми тузами на спине – знаком политического заключенного, поеживался.

– Одежку бы какую, ваше высокоблагородие! На ветру будет свежевато.

Полковник повернул голову к стражнику.

Тот понял, вытянулся:

– Есть, ваше высокоблагородие!

Он снял с себя полушубок, кинул Родиону. Родион натянул полушубок, постучал ногой об ногу, намекая, что и ногам тоже не сладко в холодных тюремных кóтах.

Стражник послушно сбросил с себя валенки, остался на снегу в одних портянках. Родион сбросил с ног коты, остался на снегу босой. Валенки надевать не спешил, усмехнувшись, сказал:

– Портянки тоже давай!

Стражник вопросительно посмотрел на полковника. Тот чуть шевельнул бровью. Стражник без вдоха размотал портянки. Осторожно положил их на валенки.

Родион обулся.

Полковник посмотрел на черные босые лапы стражника, негромко приказал:

– Пшел.

Стражник, чуть шевеля в колючем снегу пальцами, вытянулся, заискивающе заглянул полковнику в глаза:

– Разрешите, ваше высокоблагородие!.. Мы постоим.

Полковник равнодушно отвернулся.

Родион поймал его взгляд.

– Ваше высокоблагородие... прикажите их благородию малость обождать, – он кивнул на девочку, – надо бы опробовать... кружочек – вдруг чего не сработает по первому разу... Риск...

– Я тебе дам не сработает! – пригрозил полковник. Повернулся к дочери и сказал по-французски: – Катрин, выйди на минуточку.

– Нет, папá, нет!

– Екатерина!

Екатерина, надув губки, вылезла из ветрохода. Полковник кивнул толстому жандарму, тот уселся на заднюю скамеечку, перекрестился.

Родион лихо прыгнул в ветроход. Оглянулся, подмигнул, весело попросил стражу:

– Подтолкните... послушнички!

Солдаты навалились. Родион распустил парус, ветер ударил в него, и ветроход сначала медленно, а потом все быстрее пошел, полетел по снежной равнине.

Рожи всей команды расплылись от удовольствия. А босоногий стражник, переступая на цыпочках околелыми ногами, восторженно приговаривал:

– Мать честная... истинно ветроход!.. От поше-ел!.. От-от полете-ел!.. Чеши, родима-ай!.. Хрен его теперь догнать, ваше высокоблагородие!

Он сияющими глазами смотрел на полковника. Тот, к счастью, ничего не слышал. Около него прыгала, визжа от восторга, девочка:

– Хочу кататься!.. Хочу кататься!..

Ветроход, описав большой круг, приближался. Поравнявшись с командой, Родион вдруг резко накренил свои сани-лодку, вильнул, и толстый жандарм кувыркнулся, вылетел, зарылся лицом в снег.

Родион выпрямил ветроход и полетел по прямой к реке. К ее уходящему вдаль заснеженному ледяному полю.

Еще никто ничего не успел понять, а Родион оглянулся в

последний раз, озорно прокричал:

– Адье, ваше высокопревосходительство! – И пошел, понесся вдоль реки, продолжая ликующе и бессвязно кричать: – Э-эй!.. Залетная-я!.. Мамочки-и!.. Ласточки-и-и!..

– Остановить!.. Догнать!.. Негодяи!.. Всех перестреляю!.. – рассвирепел полковник.

Девочка заревела, затопала ногами. Запрыгали ее помпончики, задрожали оборочки:

– Хочу кататься!.. Хочу кататься!..

Первым рванул в сторону тюрьмы босоногий стражник, за ним – остальные.

Взрывая снежные заносы, переносясь через дымящиеся полыньи, летел по реке ветроход. Родион кричал ликующую песню свободы...

Вдали позади него появились всадники. Погоня медленно приближалась.

Впереди всех скакал босой стражник. Он что-то кричал, глаза его сияли – ему нравилось все это.

Широкая полоса чистого, сверкающего под солнцем льда, освобожденного от снега ветром, показалась впереди. Отражаясь во льду, пролетел, пересек эту полосу ветроход. А у лошадей на этой полосе сразу заскользили, разъехались ноги, лошади и всадники шлепнулись на лед, покатались, один босоногий благополучно миновал полосу. Ветроход был совсем недалеко.

Родион оглянулся, отодвинул тайную дощечку. Под ней в борту оказалось углубление, там лежали сухари и два непонятных черных шара. Он взял один из этих шаров, сильно стукнул им о борт ветрохода, и тогда что-то зашипело, затрещало, и из маленького отверстия закурился дымок – это была самодельная бомба. Родион выждал с минуту, а потом швырнул бомбу через плечо.

Шарахнул взрыв, и огромная полынья дымящейся черной воды открылась позади ветрохода.

Конь, тревожно заржав, вместе с босоногим полетел в воду. К счастью для них, здесь было неглубоко. Босоногий выбрался на лед, с него ручьями струилась вода, и он на глазах стал превращаться в сосульку. Перекрестившись от радости и глядя на удаляющийся ветроход, босоногий стражник с удовольствием сказал:

– Я говорил: хрен его догонишь, ваше высокоблагородие!

Летел по заснеженной реке ветроход.

В далекой таежной глуши, на крутом речном берегу стояло небольшое село Елань. Оно было все огорожено высоким забором из плотно пригнанных толстых стволов, заостренных вверху. Резные ворота, двустворчатые, тяжелые, закрывали вход в село. В полуверсте от села, ниже по реке, на том же крутом берегу виднелось кладбище.

От села вниз по пологой дороге, проложенной наискось

кручи, не совсем твердой походкой шел Ерофей Соломин. Пятидесятилетний, весь заросший ярко-рыжей бородой, он был в роскошной медвежьей шубе до пят, в шапке из голубого соболя.

В утренней тишине был слышен скрип его шагов да постреливали деревья от страшного мороза.

На льду он остановился у широкой полыни, сбросил с себя шубу, шапку, валенки и оказался в одних домотканых подштанниках.

Он малость постоял на краю полыни, морщась от тяжкого похмелья, икнул, перекрестился и ахнул в воду... Вынырнув, он схватился за ледяной край, поднял голову и обомлел: снизу по реке со страшной скоростью прямо на него летело какое-то полосатое чудище.

– Господи, – еле выговорил Ерофей.

Зажмурил глаза. Потряс головой. Опять посмотрел – чудище приближалось...

Ерофей тихо унырнул под лед. Чудище прошуршало, просвистело, пролетело над ним.

Сильно изменившийся, весь почерневший, с лихорадочно блестящими глазами, Родион, еле двигая окоченевшими руками, с трудом повернул свой ветроход к берегу, взлетел по дороге вверх, к селу, и, не сумев затормозить, с ходу врезался в ворота.

С треском распахнулись створки. Мачта, упав, оглушила Родиона и все накрыла полосатым парусом.

И снова наступила полная тишина... Было слышно только чье-то сладкое похрапывание.

Родион очнулся, выбрался из-под паруса, с трудом поднялся на ноги, выпрямился. Так стоял он, чуть покачиваясь, не в силах сделать шага, настороженно обводя взглядом все, что было перед ним.

А перед ним была широкая улица. По одну сторону ее стоял порядок домов, в свою очередь, отгороженных одним общим глухим забором. И по другую сторону порядок домов, окруженных таким же забором. Все ворота перед домами были распахнуты настежь.

Еще посреди улицы почему-то стоял хантыйский чум и рядом с ним упряжка оленей.

Родион расслышал храп. Повернул голову. Неподалеку в сугробе снега, раскинув ноги, лежал на спине здоровенный рыжий мужик. Он крепко спал, а рядом сидела и сторожила его сон остроухая сибирская лайка.

Родион заметил за столбом ближайших ворот мальчишку лет двенадцати. Поманил его пальцем. Мальчишка долго стоял не двигаясь, потом не спеша подошел к Родиону. Стоял молча, спокойно смотрел. Из ворот показалась рыжая девчонка лет десяти. Паренек только оглянулся на нее, она остановилась шагах в двух позади.

– Ты кто? – спросил паренька Родион.

– Устюжанин. Колька.

– А она? – кивнул Родион на девчонку.

– Настасья, – ответил Колька.

– Сестренка?

– Не-е, зачем же. Она рыжая. Соломинская... Все Соломины, – паренек кивнул на забор на противоположной стороне улицы, – рыжие. А мы, Устюжанины, черные. – Он снял шапку, показал голову.

– Понятно... Подружка, значит.

– Невеста... – небрежно пояснил Колька. – Подрастет – женишь.

– Любишь, значит, – вполне серьезно заключил Родион.

– Дак у Соломиных девки больно хороши, мы, Устюжанины, испокон веков на них женимся... А ты кто будешь?

– Родион.

– По случаю или по нужде к нам какой?

– По случаю.

– Дак чего ж на морозе языком чесать? Проходи в дом, гостем будешь.

Родион с трудом попытался сделать шаг негнушимися ногами, пошатнулся. Колька подставил плечо. Родион положил руку на плечо мальчика, и они пошли к дому. Настя шла за ними.

Родион вздохнул.

– Чего-то нога ничего не чувствует.

– Ничего, разойдется, – успокоил Колька и по-хозяйски приказал Насте: – Ты на стол собери, поскорей.

– Было бы чего собирать, собрала бы, – дернула плечом

девчонка.

– Из дому принеси. У вас много.

Настя побежала через дорогу к себе, на соломинскую половину деревни.

Родион и Колька зашли в дом.

Родион уселся на лавку, привалился к стене, обвел воспаленными от бессонницы глазами избу.

В избе было, как говорится, шаром покати: большой рубленый из плах стол, деревянные лавки, печь и кровать, тоже самодельная, застланная звериными шкурами. На столе стоял пустой штоф и миска с остатками моченой брусники. Разное небогатое барахлишко висело на огромных рогах изюбрей, прибитых по стенам. Над кроватью висело ружье. В углу – одна-единственная потемневшая икона.

– Сейчас Настышка поесть принесет... – ободряюще сказан Колька, – у Соломиных бога-атая еда.

– А мать где?

– Утонула в речке на Пасху...

Родион помолчал.

– А отец?

– В тайге. Непутевый он – дорогу рубит.

– Какую дорогу?

– Дорогу... – Колька кивнул на пустой штоф: – Как выпьет – в тайгу уходит, дорогу рубить.

– Куда дорогу-то?

– На звезду ведет.

Родион подумал, помолчал, сказал решительно:

– Это хорошо.

Колька вздохнул:

– Да чего хорошего-то? Непутевый он. Был самый лучший охотник, а теперь все позабросил – одна дорога у него на уме!.. Мы, Устюжанины, такие: чего в башку втемяшится – колом не вышибешь! Вечный дед говорит: Устюжанины – чертово семя!

– Какой вечный дед?

– Вечный... На заимке живет с медведем.

– Почему вечный?

– Живет... Всегда.

Дверь открылась, вошла Настя с миской, закутанной полотенцем. Поставила перед Родионом горячие пельмени. Сама чинно уселась на лавку. Родион жадно проглотил горячий пельмень.

– А где остальные-то людишки? Никого не видать.

– Свалились все, – спокойно пояснил Колька. – Две недели пили. Поп приехал. У нас поп раз в три года приезжает. По зиме. В другое время не добраться. Вот и пьют: кому крестить, кому отпевать, кому свадьбу играть.

Родион рассмеялся:

– Значит, всех чохом?

– Ага.

Родион решительно отодвинул миску.

– Больше нельзя. Пять дён не ел.

Он широко зевнул.

– Вон кровать, ложись, спи.

Родион свалился на кровать. Колька набросил на него шкуру, укрыл с головой.

В избу, торопясь, вошли двое: средних лет хант и красивая хантыйка лет шестнадцати, в расшитой шубке.

Иноходец просеменил к кровати и бухнулся перед ней на колени. Горько заплакал, начал бессвязно умолять, мешая русские и хантыйские слова:

– Ты великий охотник! Ты справедливый охотник! Твой все ханты знают, Афоня!.. – говорил он, обращаясь к закрытому шкурой Родиону, принимая его за отца Кольки. – Федька соболя стрелял!.. Ох, как много соболя стрелял! Белку стрелял, куницу стрелял!.. Соломин все забирай! Ничего не давай! Федька голодом помирай! Дочка голодом помирай!.. Бери Катьку, Афоня!.. Федьку спасай!..

Родион откинул шкуру, сел на кровати. Хант вскочил, испуганно захлопал глазами. Катька, наоборот, не мигая, уставилась на Родиона.

Колька заливался смехом:

– Кому нужна твоя Катька, косоглазая чумичка!.. Тебе сколько раз отец говорил: сам виноват!.. Он за тебя больше заступаться не будет!..

Родион остановил его:

– Обожди, Колька. В чем дело?

– Дак он каждый год плачет! – махнул рукой парень. – За

бутылку водки всех соболей отдаст, потом плачет, назад просит! А кто ж ему назад отдаст? Соломины – они не дураки.

– погоди. – Морщась от боли, Родион встал. – За бутылку водки соболей? Это ж разбой!

Хант снова упал на колени, заплакал, протянул руки к Родиону:

– Твоя добрый человек!.. Спасай Федьку!

Родион протянул ему руку:

– Встань! Пошли, разберемся... – Он посмотрел на Кольку: – Как же так? Человека обидели, а ты смеешься?

– Дак это ж инородцы – они дурные!

Родион покачал головой:

– Эх ты! Отец у тебя трудящий – дорогу рубит, а ты...

Колька с недоумением смотрел на Родиона: он впервые видел, чтоб к инородцам так относились. Родион пошел к двери. Колька забежал вперед, загородил дорогу:

– Не ходи к Соломиным!

– Почему?

– Не ходи. Лучше отца подожди!.. Или вот ружье возьми.

Родион посмотрел на Кольку, положил ему руку на голову, постоял, потом подмигнул и ступил за порог.

* * *

Перед тем как пройти во двор Соломиных, Родион подошел к ветроходу, поднял парус, открыл тайничок и незаметно

но для остальных положил в карман бомбу.

У входа в рубленый лабаз, в котором были видны сверкающие в полосах солнца висящие и наваленные на прилавке дорогие меха, стояли Родион, хант Федька с дочкой и Колька с Настей.

Напротив Родиона стояли Соломины – отец с сыновьями Петром и Василием, чуть в стороне молодые соломинские девки в собольих, беличьих и огненно-рыжих лисьих шубках, в таких же шапочках или просто в накинутых на плечи ярких платках.

Разговаривали между собой только Родион и Ерофей. Остальные молча слушали. Разговор шел глаза в глаза, внешне очень спокойно, на длинных, напряженных паузах.

– Кому, говоришь, отдать-то? – это спрашивает Ерофей.

Пауза.

– Человеку.

Пауза.

– Это кто ж человек-то?.. Он?.. – Ерофей чуть взглянул на ханта.

Пауза.

Родион прикрыл глаза.

– Н-да... – протянул Ерофей. – А тогда ж кто ты будешь?

Пауза.

– Прохожий.

Пауза.

– Странник вроде?.. Станный человек?.. – повторил Ерофей.

Пауза.

– Вроде.

Колька, затаив дыхание, во все глаза смотрел на Родиона. Так же внимательно, волчонком, смотрел на Родиона младший отпрыск Ерофея – рыжеволосый пятнадцатилетний Спиридон.

– А ежели не отдам? – усмехаясь, спросил Ерофей.

Пауза.

– Лучше отдать, – по-прежнему очень спокойно сказал Родион.

Пауза.

– Жалко. Теперь ведь оно мое, добро-то.

Родион чуть прикрыл глаза.

Пауза.

– А может, отдать? – Ерофей посмотрел на сыновей. – По-божьему... По-справедливому...

И тут не выдержал длинный, с руками до колен, Петр. В бешенстве задохнулся:

– Я ему сейчас отдам!.. Мать его!..

Он одним длинным прыжком кинулся на Родиона, чтобы смять, задушить. Родион сделал неуловимый выпад – и Петр отлетел, рухнул, ударившись о круглый торец сруба.

Все замерли.

Василий Соломин медленно потянулся за слегой. Ерофей

покосился на него, едва заметно шевельнул пальцем. Василий замер на месте. Соломинские девки с ужасом и восхищением смотрели на Родиона. Колька был в восторге. А в глазах хантыйки светилось откровенное обожание.

Петр медленно поднялся, вытер кровь на скуле, тупо поглядел на ладонь.

Ерофей очень ласково спросил:

– Получил, Петруша?.. Поделом тебе!.. Нельзя обижать странника... Вот Господь тебя и наказал. Правильно наказал!

Ерофей вдруг оживился и даже повеселел, повернулся к ханту Федьке:

– Эй ты, Божий волдырь! Так и быть – забирай свои хвостышки!

Федька не двигался, дрожал от страха.

– Иди, иди, косоглазый, не бойся!

Федька посмотрел на Родиона. Тот слегка склонил голову. Федька, продолжая дрожать, бочком пошел в амбар. Там он схватил в охапку связки беличьих, куньих и собольих шкурок, засеменял обратно.

Ерофей Соломин протянул руку, вытянул из охапки пару соболей.

– Парочку-то оставь, пил, однако ж, водочку-то...

И он, не глядя, швырнул в амбар мягкие, струящиеся на лету соболи шкурки.

Федька, подхватив не сводящую с Родиона влюбленных

глаз дочь, рванул с соломинского двора.

Ерофей с улыбкой взглянул на Родиона:

– Вот и все, и делов-то. Господи! Тьфу!.. Прошу в дом, справедливый человек... Хлеб-соль завсегда найдутся и чарочка к ним!

Родион, подыгрывая ему, в той же интонации ответил:

– Спасибо, хозяин... Некогда мне. Поспать... и дальше ехать надо.

– А на чем поедешь-то?.. Сломал ты свою байдовину.

– Починить можно.

– И воротца сломал.

– Ворота тоже починить можно.

Ерофей согласно кивнул:

– Можно... А поспать, что ж? Места много... Уложим... –

Он коротко глянул на Василия, на Петра, с ненавистью глядевших на Родиона: – Заходи, не бойся...

Родион чуть усмехнулся и, прихрамывая, направился к дому.

Ерофей отсек взглядом девок, пошел открывать «гостю» дверь.

Колька, оценив ситуацию, бросился со двора.

Ерофей открыл дверь, сказал Родиону, поклонившись:

– Проходи, раздевайся...

– Я так, – сказал Родион, не снимая полушубка. – Не отошел еще, семь суток на морозе.

– Откуда ж пожаловал, если не секрет?

– Из Тобольска.

– Борзо! – удивился Ерофей. – За семь-то дён... От Тобольска до нас тыща верст будет. Шестнадцать гусиных перелетов. Да, смелый ты человек. Величать-то тебя как? А то пропадешь, и поминать не знаем, кого...

Петр в это время оказался почти за спиной Родиона. В руке у него был тяжелый серебряный штоф с водкой. Ерофей посмотрел на него, но приказа в его взгляде еще не было. Ему еще хотелось поговорить.

– Родионом звали.

– Наливай, Петруша, – обратился Ерофей к старшему сыну. – Выпей с Родионом. Прости его с Богом.

Петр, поморщившись разбитой скулой, налил Родиону полный стакан водки. Налил себе. Они выпили без улыбки, глядя друг другу в глаза.

Ерофей глянул на среднего сына:

– Теперь ты, Васятка.

Другой сын налил Родиону и себе по полному стакану. Родион выпил и с ним.

– А теперь меня уважь, Родион!..

– Многовато будет.

– А ты поешь... Закуси...

Они выпили. Ерофей запил квасом. Родион бросил в рот грибок. Оглядел стол, избу, пузатые комоды, сверкающий золотом угол с иконостасом.

– Богато живете.

– Тайга кормит... – скромно ответил Ерофей. – Ежели кто работает.

Родион усмехнулся:

– Видал я вашу работу.

– Это ведь там, в России, в городах... собьются в кучу людишки-то и рвут друг у друга, вот им не хватает... А у нас здесь – простор, воля... Мы ведь как любим: чтоб нам – никто и мы – никому.

– Это точно, – снова усмехнулся Родион.

Тепло и водка сморили его. Больше всего ему хотелось упасть и тут же заснуть. Но он держался. Держался из последних сил.

– Да-а-а... – погладил бороду Ерофей. – Однако ж смел ты, Родион... Ох и смел... Один... в тайге...

– Мне тайга не самый страх...

– Ну не скажи-и... Тайга – она у-у-у... И зверь задрать может, и в полынью провалишься, а ежели человек какой недобрый встретится... И найти некому... Зимой снежком заметет, летом в болото утянет... Наша сторона для пришлого – проклятая земля! Это мы обвыклись за двести лет...

Петр снова очутился за спиной Родиона... Василий посмотрел на Ерофея.

В это время во дворе вдруг кто-то запел. Могучий, но заметно осипший хриплый бас выводил:

Тебя я, вольный сын эфвра-а-а-а...

Хлопнула дверь в сенях.

Возьму в надзвездные кра-я-а-а...

В избу ввалился поп. От порога он пробасил:

– Мир вам, православные... Новопреставленные... младенцы...

Поп был пьяница, озорник и, по-видимому, расстрига. Сейчас его трепал сильный колотун, трясущимися руками он пытался развернуть бумагу.

– ...новопреставленного... младенца... – Поп так и не смог развернуть бумагу, посмотрел на Ерофея и наугад ляпнул: – Егория?

– Нет, батюшка, – ответил Ерофей.

– Аграфену? – не задумываясь, выпалил поп.

– Нет.

Поп сдался. С ненавистью посмотрел на водку. Сквозь зубы сказал:

– Накропи влаги, православный! Страшусь, душа на небо отойдет!

Ерофей с готовностью налил полный стакан водки, подал попу:

– С Богом, батюшка.

Поп, забыв перекреститься, еле поймал ртом стакан в трясущейся руке, с жадным отвращением выцедил водку. Дву-

мя пальцами поймал ягодку бруснички. Закусил.

– А новопреставленный младенец, батюшка... через двор.

Поп посмотрел на Ерофея и, подмигнув, склонил голову направо, как бы спрашивая – там?

Ерофей, тоже молча, утвердительно склонил голову.

Поп пошел к двери.

В сенях снова раздался его бас, теперь уже значительно окрепший:

И будешь ты ца-а-арицей ми-и-ира-а!

Подруга первая моя-а-а!

Ерофей склонился к окну, проследил за попом, пока тот не дошел до калитки, потом обернулся к сидевшим за столом.

Те курили. Молча. Напряженно. Только потрескивали сгоревшие до пальцев окурки.

Ерофей медленно выговорил:

– Ты, Родиоша, не робей, мы люди хорошие...

– Сейчас в Сибири все хорошие люди на каторге! – ответил Родион и привстал, не в силах бороться со сном. – Ладно, соснуть надобно!

Он снял с себя полушубок, свернул его, бросил на лавку под иконами.

Все трое уставились на его тюремную куртку с бубновыми тузами.

– Каторжник... – прошептал Василий.

– Вона что, Родион... – протянул Ерофей. – Значит, ты с тобольской ярмарки утек...

Родион укладывался на лавку.

– Может, и оттуда.

– Один?.. Аль еще кто с тобой?

– Может, один, а может, и еще кто со мной, – спокойно ответил Родион.

Он положил голову на полушубок, закрыл глаза. Но ему мешала бомба в кармане брюк. Он достал ее, приподнялся, посмотрел, куда бы положить, и наконец пристроил ее над собой, на полку, где стояла большая икона. Он еще раз посмотрел на Соломиных и сказал, подмигнув:

– Не трогать.

Снова откинул голову на полушубок, закрыл глаза и провалился в сон.

Прямая, как стрела, просека в тайге. Это Афонина дорога.

Дорога эта вела неизвестно куда, на звезду. Она тянулась уже версты на две. Большая часть ее была расчищена, дальше попадались пни, которые ждали лета. По этой дороге бежал Колька Устюжанин, шлепая по снегу подбитыми мехом короткими охотничьими лыжами.

Дорога кончилась, уперлась в тайгу. Здесь подрубал высокую ель отец Кольки – Афанасий, здоровенный, косматый, как таежный леший. От него валил пар. Он был в одной ру-

бахе. Полушубок его валялся в стороне на снегу, а рядом с ним яростно урчала и извивалась огромная желтоглазая рысь. Она грызла, не отпуская, длинную жердину, которая была продета между ее связанных лап. Колька подбежал к отцу, коротко глянул на рысь, на отца, у которого из-под разодранной рубахи было видно голое плечо, исполосованное когтями зверя, на красные комья снега, которые, по-видимому, прикладывал к плечу отец.

– Поймал, однако ж, кошку-то? – кивнул Колька на урчащую рысь.

Афанасий, продолжая рубить, не оборачиваясь ответил:

– Три раза прыгала, стерва... Полушубок испортила...

– Ничо, Настька заштопает... Тять! – позвал Колька отца.

– Ну?

– В село сходить надо.

Афанасий продолжал рубить.

– Пропади пропадом ваше село!.. Хоть бы прорубиться отсюда поскорее!

– Надо, тять... Там человека жизни решить могут!..

– Кто?

– Соломины.

Афанасий, продолжая рубить, спокойно сказал:

– Эти могут... Что за человек-то?

– Неизвестный. Снизу пришел.

– Что за человек?

– Хороший человек.

– Снизу-то хороший?

– За Федьку-самоеда заступился. Его шкурки у Ерофея отнял, а Петруху ихнего об сарай мордой приложил.

Афанасий перестал рубить, впервые поглядел на Кольку. Протянул с некоторым восхищением:

– Ничаво-о! – Он накинул полушубок, встал на лыжи. – Бери кошку, пошли.

Отец и сын взялись за концы жерди, подняли рысь и быстро заскользили на лыжах к селу.

Родион храпел на лавке. Соломины все так же стояли во круг, смотрели на бомбу, не понимая, что это такое. Острое любопытство разбирало их.

– Что это? – шепотом спросил Петр.

Ерофей и Василий молчали. Они постояли еще. Потом Петр, взглянув на спящего Родиона, на цыпочках подошел к иконе, взял бомбу и так же тихо отошел назад.

– Чижолая...

– Дай-ка сюда... – протянул руку Василий.

– погоди, – отстранил его Петр, рассматривая бомбу. – Дырка какая-то...

Он боязливо сунул палец в дыру. Василий схватился за бомбу, но Петр вырвал, не дал. В это время во сне повернулся Родион. Петр испугался, стукнул бомбу о пол, бомба сразу зашипела, из отверстия полетели искры, она подкатилась к ногам Ерофея.

– Бомба!.. – с ужасом выдохнул Ерофей.

Он отшатнулся, а Петр и Василий тут же рванули к двери. Ерофей схватил, поймал Петра за шиворот.

– А добро?!

Петр схватил бомбу, и все трое, давясь в дверях, вывалились из избы.

Хитрый Василий остался в сенях и, прикрыв дверь, смотрел в щелку.

По двору мчался Ерофей, а за ним Петр с шипящей бомбой в руках.

– Отстань, сатана! – кричал Ерофей. – Бросай ее, тыдыть твою.

Одуревший от ужаса, Петр остановился, замахнулся в сторону коровника.

– Скотина! – заорал Ерофей.

Петр кинулся в сторону амбара.

– Меха! – снова раздался голос отца.

Бомба зашипела, затрещала громче, гуще посыпались искры.

– Бросай! – завопил Ерофей, упал на землю, на снег и на четырех конечностях, как собака, поскакал к амбару.

Петр снова замахнулся, чтобы бросить бомбу в окошко бани, но в это время в дверях ее показались распаренные, голые, визжащие соломинские девки.

В отчаянии Петр заверещал, закрутился на месте.

И тут его озарило – он увидел нужник. В два длинных прыжка он достиг его, рванул дверь, швырнул бомбу в от-

верстие. Сам кинулся прочь.

Раздался чудовищный взрыв...

Нужник, рассыпаясь, взлетел на воздух. Поднялись недра. Огромный кусок дерьма достиг Петра, ударил в спину, пригнул к земле.

Одна из икон в доме Соломиных от взрыва сорвалась со стены, упала на спящего Родиона.

Он поднялся, зевнул, посидел малость, приходя в себя. Потом накинул на плечи полушубок и хотел привстать, но схватился за ногу и со стоном рухнул на лавку...

В воротах соломинского подворья появились Афанасий и Колька. На плечах они держали прогнувшуюся жердь, на которой с рычанием извивалась связанная рысь.

Афанасий оглядел двор, разметанный нужник, раскиданных и еще не пришедших в себя Соломиных.

– Куда гостя-то девали? – Афанасий потянул носом. – Да что у вас дух такой поганый?

Ерофей и Петр со своих мест лежа смотрели на Устюжаниных.

– Кончили гостя, что ли? – допытывался Афанасий.

Ерофей молча покачал головой.

– А где он?

Ерофей кивнул в сторону дома.

– Вот – бери кошку, – Афанасий показал на рысь, – давай бутыл!

На крыльце показался Василий. Не заметив Афанасия,

крикнул отцу:

– Батя! Каторжный-то совсем занемог, можно бы и того!

– Я те дам «того», сучий потрох!.. – грозно надвинулся на сразу струхнувшего Василия Афанасий. – Ну-ка пропусти!

По улице деревни шел маленький приземистый старик, крепкий, ясноглазый, усмешливый, с белой апостольской бородой. Рядом с ним, степенно переваливаясь, ковылял медведь. Собаки выскакивали из ворот, но подойти боялись и предпочитали заливаться хриплым лаем за заборами. А медведю все было безразлично, он шел, сонно понурившись, волоча на спине дедову торбу.

Настька накрывала на стол, как взрослая суетилась по хозяйству. Колька подбрасывал дрова в жарко натопленную, гудевшую печь.

Родион полулежал на лавке, обессиленно прислонившись к стене. Крупные капли пота выступали на его почерневшем, изможденном лице. Афанасий поставил с грохотом бутылку на стол, откупорил ее.

– Ну, выпьем со знакомством! – Он налил себе, Родиону.

Родион покачал головой:

– Не-е!.. Ехать!.. Ехать мне надо!

– Куда тебе ехать! – Афанасий взял стопку. Настя осуждающе посмотрела на него. Он прижал ей нос пальцем и выпил, понюхал шапку. – Тебе отлежаться надо!

Родион горько усмехнулся:

– Отлежаться!.. Да я ж беглый, Афанасий. Каторжный я!

– Знаю... Убил, что ли, кого?

Родион покачал головой.

– А за что ж тебя?

– За что? – Глаза Родиона засветились. – За идею! За мечту, можно сказать, человечества!..

– Ну-у-у!

– Точно! – Родион, тяжело дыша, расстегнул намокшую от пота рубаху. – Что-то меня так в жар и кидает!

На его впалой груди поблескивали начищенные, оттертые рубахой два соединенных между собой звена цепи, висевшие на узком сыромятном ремешке.

– Что это у тебя? – удивился Афанасий.

– Это?.. Звенья... На этой цепи я сидел четыре годика, как Томмазо Кампанелла!

– Кто-кто?

– Кампанелла Томмазо! – Родион достал из-за пазухи потертую, зачитанную до дыр книжку, бережно расправил листки. – Вот эту книжку я наизусть знаю! Тут об нем все написано! Вот он... – Родион ткнул пальцем в гравюру-портрет. – Триста лет назад жил в Италии... Такая земля. Далеко, у теплого моря! Но там у них тоже свои тираны и кровопийцы есть!

Афанасий вздохнул:

– Этого добра везде хватает!

– А тогда они еще почище наших царей да губернаторов были! Томмазо поначалу монах был. Самые-то ученые тогда в монастырях жили! Очень он хотел счастье для народа добыть! Придумал построить такой город, какого на земле никогда-никогда не было! Чтобы не было ни бедных, ни богатых и каждый чтоб свою работу делал, какую хочет!

Афанасий слушал, раскрыв рот. Настька и Колька тоже слушали, разглядывая портрет в книжке Родиона. Тот продолжал:

– А если кому тяжело одному – ему все сообща помогут!..

– Ну, это он хватил!

– Точно! – с жаром подтвердил Родион. – Чтобы все одной семьей жили! Один за всех, а все за одного! И назвал Томмазо свой город Городом Солнца.

– Ладно!

А Колька мечтательно повторил:

– Город Солнца.

– Ага! – вновь подхватил Родион. – Там ведь у них тепло, снегу вовсе не бывает.

– Ну да?

– Точно!

Афанасий покачал головой:

– Это плохо. Без морозу нет здоровья – гниль одна.

Колька в нетерпении дотронулся до Родиона:

– А дальше что с ним случилось?

Родион продолжал:

– Так вот... Собрал Кампанелла вокруг себя верных людей, и все бы у них получилось, да только в последний момент – предатель... И всех погубил... А светлого человека Томмазу Кампанеллу посадили на цепь в каземат, – он взялся за звенья цепи, – вроде как меня. Правда, его пытали, на дыбу вздергивали, на кол сажали, но он все равно не отрекся ни от единого слова!

Афанасий восхищенно покачал головой:

– Это мужик!.. Пил?

– Не знаю.

Афанасий убежденно стукнул кулаком по столу:

– Пил!

Он налил себе еще одну стопку и залпом опрокинул.

Родион попытался подняться, поморщился.

– Нога-то у меня совсем отнялась.

– Давай-ка развяжем!

Афанасий помог Родиону стащить пимы и озадаченно покачал головой, разглядывая синюю распухшую ногу Родиона, Пальцы на ноге стали фиолетовыми до черноты.

– Э-э-э, брат, отморозил не на шутку. Надо за дедом посылать!

В этот момент в сенях раздался дребезжащий голос:

– А чего посылать? Вот он – я!

В избу вошел бородатый дед, которого мы уже видели. За ним ввалился медведь.

Афанасий вытаращил глаза.

– А я о тебе только подумал!

– Потому и зашел, что подумал! – ответил старик, обернулся к медведю с упреком: – Ну вот, наследил! Я ж просил тебя подождать!

Медведь понуро покачал головой, взял веник, стал зати- рать свои мокрые следы.

Родион удивленно смотрел на медведя:

– Гляди-ка. Топтыгин – соображает!

Вечный дед махнул рукой:

– Какой там соображает! Он наполовину в спячке – зима ведь!.. Ну что, сильно прихватило?

Он склонился к ноге Родиона. Родион, не отвечая, при- стально смотрел на него:

– Ты, что ли, Вечный?

Вечный дед, не поднимая головы, тихо ответил:

– Кличут так.

– Об тебе в остроге молва идет! Говорят, беглых лечишь!

– Беглый, не беглый, все одно – человек!

– Подымай меня, а то мне ехать надо!

– Быстрый какой! Тебе до Великого поста лежать.

– Лежать?! Да что ты! За мной жандармы по следу идут.

– Давай, дедусь, лечи его, чтоб завтра на ногах был! – вме- шался Афанасий. – Ты ведь можешь! А то его, как Томмазу, на дыбу подцепят!

– Кого-кого? – заинтересовался Вечный дед.

Колька живо вступил в разговор.

– Монах такой был – Томмаза! – Он показал картинку в книжке. – Хотел, чтобы все люди счастливые были, чтоб ни бедных, ни богатых!

Вечный дед кивнул головой:

– Это, что ли, один за всех и все за одного?

Родион удивился:

– Откуда знаешь?

Вечный дед рылся в торбе, доставал примочки, пучки сухих трав.

– Разные людишки из тайги выползают... сказывали. Ну что там у них в России творится?

Родион радостно засмеялся:

– Такое творится! Вот-вот загуляет, запляшет... петушок красный! Свобода идет!

Вечный дед глянул на Родиона. Его глаза светились такой безумной, отчаянной решимостью, что дед только вздохнул и покачал головой:

– Да-а!.. Наделаешь ты еще делов, Божий человек! Вот тебе травка, приложишь к ноге в ночь, а вот бутылка, натирать будешь завтра.

– Завтра Маслена, – сказал Афанасий, – мы его блинами лечить будем!..

Он, хлебнувши еще одну и уже совсем закосевший, вдруг закручинился, пустил слезу.

– Ты что, Афоня? – спросил Вечный дед.

– Томмазу жалко... Люди-то, а? Люди какие были! – Он

горько вздохнул. – А я что?.. Рублю дорогу, по пуп в снегу, да еще все смеются...

– А как же? Ведешь ее незнамо куда... к нечистому в болото.

– Я ее на звезду правлю...

Родион, улыбаясь сквозь боль, подмигнул Афанасию.

– Правильно делаешь, Афанасий! Помрешь – после тебя дорога останется! Люди ее так и будут называть: Афонина дорога.

Афанасий от радости даже встал. Победно поглядел на деда, на Кольку, потрепал сына за вихры.

– Слышите, что человек говорит?! Дай я тебя обниму, Родиоша! Выпьем за Томмазу!

Афанасий выпил. Последняя стопка привела его в состояние особого подъема.

– Колька, где топор? Мне пора!

– В сенях.

– Да ведь ночь на дворе! – сказал Вечный дед.

– А мне и надо – звезда выйдет...

Среди синих снегов протянулась прямая, как стрела, просека. Над черными застывшими в ледяном сне кедрами и елями мерцала, светилась яркая звездочка...

Откуда-то издали, из чащи, доносились гулкие, четкие удары топора о дерево...

Родион и Колька ладили ветроход. Колька стоял на крыше

сарая, крепил к концу новой мачты парус.

Родион возился внизу, проверял управление. Он хоть и прихрамывал, но заметно посвежел, повеселел.

Колька скользнул с крыши вниз по мачте.

– Готово.

– У меня тоже.

Родион, возбужденный, радостный, повернулся к парню. Тот стоял тихий, грустный, водил рукой по свежеструганной мачте.

– Ну вот, Колька. Сейчас мы его с тобой испробуем. Всех покатаем, и я полечу!

Колька вздохнул:

– Остался бы на праздники-то? Я бы тебя на Чертову гриву сводил.

– Это что еще за Чертова грива?

– Место такое... заколдованное. Ханты туда никого не пускают, а мы пойдем!

– Почему не пускают?

– У них это место святое, что ли... Хант Федька говорит, у них там бог живет какой-то! Всех огнем жгет!

– Это все от темноты, вера эта!

Колька понизил голос:

– А чего ж там тогда огни по всему болоту?

– Да ну-у...

– Вода сама горит! А болото, знаешь, какое! Без конца, без краю, и дна тоже нет! И все огнем полыхает! По ночам

на небе даже сполохи!

– Интересно. Сходил бы я, Коля, с тобой, да мне нельзя тут больше оставаться. – Он уперся руками в ветроход. – Помоги-ка выкатить.

За воротами послышался залиvistый перебор гармонии.

Из ворот села вырвалась на простор разукрашенная тройка. Взрывая снег, кони – ленты в гривах – понесли к реке.

В Елани Масленица. Веселая Масленица. Гармошки заливаются по всем дворам.

В резных санях Ерофей Соломин. Празднично одетый. Сам правит. Шуба нараспашку...

У реки осадил коней. Не спеша подошел к обрыву.

Здесь собралось почти все село. Веселый, хмельной от праздника народ.

Родион на прощание катал на своем ветроходе всех желающих.

Искрился под ярким солнцем снег, сверкал лед на реке, искрились и сверкали глаза мальчишек и девчонок. Они не спускали глаз с ветрохода. Не меньше были ошеломлены и взрослые.

А ветроход летел по реке – легкий, красивый, послушный воле Родиона.

В ветроходе сидел Вечный дед. Родион, смеясь, оглядывался на него. Он заложил крутой вираж и хитрым ручным верчеванием направил ветроход к берегу.

На берегу, у самого льда, стоял Колька и важно, как будто это он построил ветроход, руководил желающими кататься, объяснял, употребляя непонятные слова: «давление ветра», «механика», «руль».

Настя старалась быть чинной, но каждый раз, как только ветроход подходил к берегу или уносился от него, она оглушительно визжала. Колька морщился и снисходительно смотрел на нее.

Вечный дед, довольный, вылез из ветрохода.

Колька начал усаживать очередную партию ребяташек, а к Родиону подошел Ерофей Соломин, поздоровался с ним.

– Починил, значит, байдовину-то?

– И воротца тоже починил. – Родион пристально посмотрел на него.

– Покидаешь нас, Родиоша?

– Надо.

– На блинки я пришел тебя пригласить... Масленая. Не побрезгуй наших блинков отведать. Приходи, я всех, все село зову.

– Спасибо, – не сразу ответил Родион. – Зайду.

В это время у ветрохода началась возня. Колька и Спиридон тянули в разные стороны Настю, которая собралась полезть в машину. Колька схватил Спиридона за грудки, они оба покатались в снег. Ерофей, не двигаясь, смотрел с усмешкой, не вмешивался. Родион подошел, начал различать ребят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.